

БЕОМ

№ 8, 2016

ДУНОЈ

ВЕСИ

№ 8(124) 2016
октябрь

Издается с 2002 года

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вячеслав Люттов</i>	Лики времени	
Атомы в снегу		4
<i>Сергей Погодин</i>	Лики времени	
«Молодые напевы»		31
<i>Татьяна Котович</i>	Мастрская	
Мир в зеркалах-разломах Николая Дундина		40
<i>Владимир Блинов</i>	Литературная коллекция	
Танго майского дождя		42
<i>Лудовико Ариосто (пер. Юрия Конецкого)</i>	Переводы	
Неистовый Роланд		52
<i>Дмитрий Гаврилов</i>	Лики времени	
В круговерти XX века		58
<i>Екатерина Лесникова</i>	Лики времени	
Сибирский десант		66
<i>Сергей Погодин</i>	Лики времени	
Несчастный случай с Академией наук		71
<i>Александр Савчук</i>	Литературная коллекция	
«Ледяной поход»		75

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2016 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте <http://www.ural-press.ru/>

Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

Сотрудничают с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru
В случае проблем: +7 (343) 379-05-02 (Владлена Бармина).

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

Журнал награжден почетными
знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при
финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым ком-
муникациям.

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO c. ub-
centers and associations

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цент-
ров и клубов ЮНЕСКО, Российской биб-
лиотечной ассоциации и Российского
представительства ИССИИ.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

генеральный секретарь
Урало-Сибирской федерации
АЦК ЮНЕСКО, казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна Аверина

аудитор Всемирной федерации
АЦК ЮНЕСКО
Данил Владимирович Курашов

президент
Российской библиотечной ассоциации,
заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Федеративного совета
Союза журналистов России,
главный редактор «Областной газеты»
Дмитрий Павлович Полянин

АТОМЫ В СНЕГУ

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОГУЛКИ

Вячеслав ЛЮТОВ

член Союза журналистов
России,
член редакционного
совета журнала «Веси».

Ограничение на слово

На большой площадке перед контрольно-пропускным пунктом не разрешается стоять «в стороне» с заглушенным двигателем, разглядывая, как поднимаются и опускаются автомобильные шлагбаумы. В нашем «путешествующем случае» – это к сожалению: хотелось бы привести мысли в порядок «на подступах к городу», определиться – что именно будем разыскивать и рассказывать?

Переписывать заново историю советского атомного проекта не имеет смысла. Во многих исторических работах подробно рассказывается и о соперничестве с США за «урановое преимущество», и о легендарной работе советской разведки в Лос-Аламосе, и об огромном человеческом напряжении по обе стороны океана в этой атомной гонке. Это всегда можно прочесть отдельно.

Мы же, чтобы не болтать лишнего, ограничимся «историей места», бережно «привязав» к нему и события, и судьбы...

Мендаркин мыс

Исторически «въезжать» в Снежинск лучше всего со стороны Каслей, где дорога тянется вдоль озер Сунгуль и Силач, соединенных друг с другом небольшой протокой. Берега здесь причудливые, словно изрезанные скалистыми выступами. Между двух озер оказалось великое множество всяких мысков да полуостровов, на которых, по словам краеведа А.Моисеева, еще с дореволюционных времен стояли зажиточные дачи – в сосновой тишине, от чужих глаз подальше.

Говорят также, что один из поэтаенных мысов на Сунгуле еще в начале XIX века присмотрел двоюродный брат Салавата Юлаева – Мендар. От него и повелось название – Мендаркин мыс.

Сунгульский сокол

Присмотрел не он один. В начале 1930-х годов этот мыс попал в поле зрения ЧК-ОГПУ. Места красивейшие, озерная вода богата целебным радоном, а большевикам, уставшим за десятилетия от напряженной партийной работы, нужен был отдых! В это время, кстати, появился «партийный санаторий» на озере Кисегач, а в 1932 году на Сунгуле свой ведомственный дом отдыха получают будущие сотрудники НКВД.

Рассказывают, что в этом санатории отдыхали не только «чекисты среднего звена», но и крупные руководители советского государства тех лет – например, «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин.

Санаторий на Мендаркином мысу будут называть по-разному: иногда по имени озера, иногда по приметной горе, выходу скальных пород – Соколу. Именно с этого места, еще до соответствующих постановлений Совмина, в 1946 году возьмет свое начало история Снежинска...

Лаборатория «Б»

НКВД-шный санаторий перепрофилировали быстро – по настоянию одного из руководителей атомного проекта А.П.Завенягина, личности легендарной для Южного Урала. На Сунгуле появилась «Лаборатория Б», перед которой

была поставлена задача изучения воздействия радиоактивности на живые организмы. Тема эта была совершенно «тёмной», не говоря уже о способах выведения из организма радионуклидов.

Санаторные корпуса и коттеджи на Сунгуле сохранились, хотя разруха и запустение пробралось и на Мендаркин мыс. Многие ученые, кому довелось здесь работать – а физики оставались в Соколе вплоть до 1980 года – не иначе, как райским, это место не называют. Вековые сосны и каменистая почва словно впитали «дух науки» – и неизбежно даруют приобщение к ней.

Прибежище Зубра

Главное имя здесь – Тимофеев-Ресовский, легендарный Зубр, основатель отечественной генетики и радиологии.

Николая Владимировича, измученного арестанта, привезли на Сунгуль в мае 1947 года – прямо из лагерной больницы. «Первые недели он посиживал на балконе, привыкая к покою, тишине, – пишет Д.Гранин. – Передвигался, опираясь на палку. По лестнице самолично подняться не мог». Ему отвели роскошную квартиру из трех комнат с балконом, высокими потолками, с натертым до блеска паркетом...

Южноуральская природа сделала свое дело. Те, кто встречался

Н.В.Тимофеев-Ресовский.

с Ресовским в лаборатории, вспоминали, что он буквально одухотворял, «заводил» всё вокруг – играл в волейбол, читал лекции, пел, выпивал, диктовал, упивался крепчайшим дочерна чаем. А главное: дорвался до работы, штурмуя мозги – и свои, и чужие...

«Победа» Николауса Рилья

«Они были тезки и одногодки. Зубр звал его Миколой. Риль звал его Колюшей». Удивительно, но на сунгульских мысах зазвучала немецкая речь. Дело в том, в лабораторию Б доставили «интеллектуальные трофеи» – немецких ученых с мировым именем: Штульдреер, Борн, Кач, Риль. С ними Ресовский работал еще в Германии.

Николаус Риль был не просто другом. Убежденный антифашист, понимавший разрушительную силу нового оружия, если его сосредоточить в одних руках, Риль помог ценнейшими сведениями по извлечению плутония из урана, и сделал это из идейных, этических убеждений.

Кстати, Риль – единственный немец, которого Сталин за атомную бомбу наградил званием Героя Социалистического труда. В довесок к званию – и всевозможные материальные блага. Сотрудникам сунгульской лаборатории надолго запомнился сталинский подарок – автомобиль «Победа», на котором Риль гордо разъезжал по Мендаркиному мысу...

Проспект среди леса

Городские улицы редко отличаются друг от друга. Дома – да: благодаря идеям и находкам архитекторов, времени строительства, «историческим жителям».

Проспект Щелкина – исключение. На него жилые дома смотрят совсем чуть-чуть: не больше квартала. А затем по обе стороны проспекта – сосны, сосны, сосны. Да и сам проспект становится похож на большую просеку, ведущую к знаменитой 9-й площадке, где расположена официально-торжественная проходная ВНИИТФ.

В 1955 году ничего иного, кроме просек, сосен и озерной глади, основатель института и его первый научный руководитель Кирилл Иванович Щелкин здесь и не увидел бы...

Арзамасский двойник

«Не стоит все яйца складывать в одну корзину». Эта простая житейская истина, перемноженная на военный опыт оккупации и эвакуации предприятий, в полной мере сказалась и на атомном проекте. «Мозговой ядерный центр» в Арзамасе-16 во главе с Харитоном и Курчатовым, был, безусловно, великолепен: научно, инженерно и по-человечески. Но и ему требовался «дублер».

Идея о создании второго оружейного центра появилась еще в 1953 году, сразу после первого испытания водородной бомбы. В качестве новой площадки приглашались к Новосибирску, Томску, Красноярску. Но эти варианты отклонялись в силу разных причин – либо объекты министерства среднего машиностроения там уже строились под другие задачи, либо возникали проблемы с инфраструктурой, коммуникациями.

Самым выигрышным оказалось предложение А.П.Завенягина – строить в районе Синары. Места хотя и глухие, но не недоступные; есть транспортные артерии, люди; да и по соседству – комбинат по обогащению урана. 24 марта 1955 года вышло Постановление Совмина СССР о создании нового института, а 5 апреля министр среднего машиностроения А.П.Завенягин издает приказ № 252, положивший начало истории ядерного центра.

Основатель института

О самом Кирилле Ивановиче Щелкине, возглавившем институт, можно рассказывать легенды. Выпускник Крымского пединститута, изучавший вопросы детонации, он шесть месяцев провел рядовым артиллерийского расчета в битве под Москвой. Затем, отозванный с фронта, участвовал в разработке реактивных двигателей, пока в

1946 году не включился в атомный проект.

– Щелкин был блестящим ученым, – говорит академик Е.Н.Аврорин. – К созданию центра на Урале он уже был трижды Героем Социалистической Труды. Этот факт уже сам за себя говорит...

За что «звезды»? «Щелкин был тем самым человеком, кто принял под роспись первую советскую атомную бомбу, обеспечил подъем ее на башню Семипалатинского полигона, лично установил первый капсюль-детонатор и контролировал установку остальных. А потом, спустившись по лестнице последним из всей команды, опечатал вход в башню». После него был только взрыв, изменивший ход истории и атомного противостояния с США – рано утром 29 августа 1949 года.

Кстати, этот заряд стал предметом шутки. Суть в том, что Кирилл Иванович самолично расписался «в получении» первого советского атомного взрывного устройства РДС-1 из сборочного цеха. А значит, должен был отвечать за его сохранность. Коллеги-ученые его в шутку спрашивали – мол, а куда ты дел бомбу, за которую расписался?

Как Хрущев в Снежинск не приехал

Щелкин любил вспоминать прибаутку своего друга и коллеги

И.В.Курчатова: «Наше дело солдатское – сказал генералу: «Кругом!», тот и побежал...» Так уж вышло, что именно она может проиллюстрировать ссору Щелкина с Хрущевым.

Накануне создания нового ядерного центра, Никита Сергеевич в хорошем настроении открыл рабочее заседание, поведал, что говорил с первым секретарем Челябинского обкома, и тот пообещал отдать под центр новый большой цех ЧТЗ и десять процентов строящихся квартир.

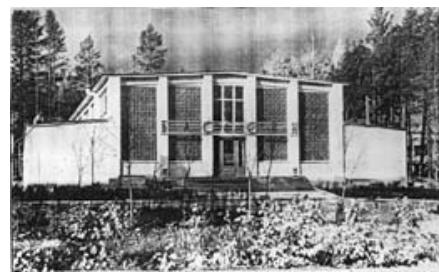
«Услышал это, Щелкин стал объяснять, что в крупном городе предприятие по производству атомных и водородных бомб размещать нельзя, – пишет А.Емельяненко. – Но Хрущев отмахнулся... Щелкин в ответ заявил, что в таком случае просит освободить его от предложенной должности». Хрущев вспылил и даже упрекнул министра Е.П.Славского «за плохие кадры, которые считают себя умнее всех», – и ушел с заседания, распорядившись: «Дайте ему всё, что просит. А я через год приеду, и пусть тогда ответит за срыв правительственного задания».

Через год Н.С.Хрущев действительно ездил на Урал, но на «щелкинский объект», вопреки обещанию, не завернул. Да и зачем, если стройка «шла по плану и даже с некоторым опережением?..»

Пока Славский не видит

Еще одна «характерная» инициатива чуть было не рассорила Щелкина и с министром Ефимом Павловичем Славским. Напряженные научной работы требует разрядки. Если летом можно было окунуться в озеро и выйти обновленным, то зимой... Щелкин «самовольно» принял решение построить бассейн – и это в городе, где было всего-то две с половиной улицы!

Славский категорически запретил строительство. В те годы ни на одном объекте атомной отрасли такой роскоши не было – почему Снежинск должен быть исключением? Запретил – и уехал в командировку. Щелкин вместе с дирек-

Снежинский бассейн, 1963.

тором института Дмитрием Ефимовичем Васильевым побились в Москве на прием к председателю Верховного Совета РСФСР за разрешением. Ни денег, ни стройматериалов не просили. Получив заветную резолюцию, позвонили домой, где уже был вырыт котлован: «Начинайте!»

На прорыв бросили все строительные силы – и через сутки уже стояли стены. Славский, хоть и метал гром и молнии, не решился отдать приказ снести построенное. Бассейн доводили до ума уже без нервозности. Он откроется в 1964 году и будет первым в Челябинской области.

«Неизвестный среди заслуженных»

Именно с таким грустным рефреном будут звучать воспоминания о Щелкине. Атомное противостояние превращалось в «ядерное безумие» с испытанием бомб всё большей мощности – а Кирилл Иванович эту идею не поддерживал. Он собирал вокруг института молодежь, но добиться статуса наукограда тоже не вышло.

В 1959 году у него участились сердечные приступы. Еще через год умер И.В.Курчатова. Это, по сло-

И.В.Курчатова, Ю.Б.Харитон, К.И.Щелкин. Барвиха, 1957 г.

вам сына Ф.Щелкина, только усилило чувство одиночества и бессмысленности работать научным руководителем и главным конструктором ядерного оружия в складывающихся условиях.

В 1960 году он уедет из Снежинска – в институт химической физики. Кирилла Ивановича полностью отлучили от проблем, связанных с созданием ядерного оружия, он даже не имел права посещать ядерные центры, в которых проработал большую часть своей жизни. Умер Щелкин через восемь лет – так же неожиданно, как и Курчаев...

Улица Васильева

Еще одна улица, идущая полукругом по старой части молодого Снежинска, носит имя основателя города – Дмитрия Ефимовича Васильева.

Если Щелкин был научным руководителем института, и от него зависело воплощение атомной программы в конкретном изделии, то Васильев – это директор института, тот самый «большой завхоз», который обеспечивает научное производство самым необходимым: зданиями, оборудованием, инфраструктурой, жильем, досугом. Как рассказывал академик Е.Н.Аврорин, Васильев был просто блестящим организатором, и они прекрасно дополняли друг друга.

Первый успешный итог работы этой удивительной связки придется на 1957 год. Именно тогда на Новой Земле был испытан первый советский термоядерный заряд, родившийся в НИИ-1011 и принятый на вооружение. После этого взрыва ядерный паритет с США был достигнут.

А другим главным итогом станет рождение города...

Вот, молоко принес...

Люди с сильным характером, знающие себе цену запоминаются надолго. Д.Е.Васильев, как вспоминают о нем, сразу вселял чувство уверенности; даже внешне – большого роста, крупный, плечистый, с волевым лицом, он словно говорил

Д.Е.Васильев.

молодежи, что «за ним не пропадет».

А молодежи приезжало много. Поначалу молодых ученых селили на Сунгуле.

– Мы приехали сюда в одном из первых эшелонов, – рассказывает Лидия Петровна Строцева. – Вечером в день приезда – стук в дверь. На пороге – мужчина, большой такой, в огромных руках держит поллитровую банку с молоком. «Я – ваш директор, Дмитрий Ефимович Васильев. Узнал, что у вас маленький ребенок. Вот, молоко принес... Завтра к вам придет женщина из деревни, и вы с ней обо всем договоритесь...»

Таких характерных вещей за ним вспоминают немало. Например, его водитель Л.П.Комиссаров рассказывал, что Васильев никогда не спешил, но везде бывал, успевал. Ему было незачем зайти в прачечную, или пройти по этажам строящегося дома, осмотреть очистные сооружения. Как отмечал Е.Н.Аврорин, в атмосфере тех лет не было никакой высокомерности. Но и панибратства не отмечалось – за любой «аморальный поступок» наказывали сполна.

Айда за периметр

Режимный объект диктовал свои условия. «Ничего личного» – именно такая психологическая установка сформировалась при Ва-

сильеве в отношении правонарушителей.

Ветераны института рассказывали, как случился первый факт кражи. Дмитрий Ефимович вызвал провинившегося к себе и сказал примерно так: «Я считаю, что тебя надо выставить из города. Если ты обратишься в суд, то я, честный человек, буду перед законом не прав, а ты, вор, – окажешься прав». Парень уехал сам.

Всё правильно: за «райское место» надо платить. До развала Союза город не знал социальных проблем, здесь даже алкоголиков не было, хотя пропустить по кружке пива не возбранялось никогда. Как отмечают сами горожане, Снежинск жил не по Конституции, а словно по законам военного времени, в соответствии с которыми руководство города и предприятия имело неотъемлемое право выселения...

Жаркое лето 1955 года

В строительство города и института Васильев погрузился с головой. Этого следовало ожидать – под проекты подобного масштаба и значения выделялись основательные средства, строительные материалы, оборудование и человеческие ресурсы.

Снежинск, в отличие от других прежних объектов, не строился силами заключенных или трудармейцев. Весной 1955 года на площадку прибыли военные строители – почти 10 тысяч человек. Еще через три года это число выросло до 15 тысяч.

Первым делом и в кратчайшие сроки были выстроены три поселка для военнослужащих и гражданских лиц. Следом в будущий

Военные строители в Снежинске. Конец 1950-х гг.

город прибыл батальон тяжелой механизации и был сформирован автотранспортный полк. Одновременно ускоренными темпами велось строительство железнодорожной ветки к станции Маук. Под строительство города отдельным завенягинским приказом было создано специальное строительное управление № 606.

Пищеровский генплан

Строили не времянку. Снежинск изначально задумывался как город атомщиков, а не как традиционный рабочий поселок, хоть и закрытый. К генеральному плану подходили соответственно.

Проектирование всех закрытых городов в стране, как рассказывает Б.В.Литвинов, вел «Ленгипропроект» – организация сильная, творческая, имевшая «разбег» для своих архитектурных замыслов. Поэтому все атомграды – разные: у каждого своя индивидуальность.

Особый «питерский колорит» снежинского генплана появится благодаря Макарию Ивановичу Пищерову, главному инженеру проекта. Человек, влюбленный в Ленинград, восстанавливавший легендарный город после войны, он как будто перенес на Урал северную частичку Васильевского острова. Две снежинские улицы, словно вдоль Финского залива, повторяют контуры озера, а остальные, четко расчерченные, придают городу геометрически выверенное звучание.

Кстати, имя М.И.Пищерова останется – в названии небольшой улочки в старой части Снежинска, на перекрестке с улицей Васильева...

Новоселье на 7 Ноября

Самая первая улица города, ведущая вдоль озера, – 40 лет Октября – меньше всего посвящена революции. Вообще, в советские годы «под ноябрьские праздники» сдавались в строй многие объекты, и Снежинск не был здесь исключением.

– Первое новоселье в городе состоялось в канун 40-летия Октяб-

Улица 40 лет Октября.

ря, – вспоминает Л.П.Строцева. – Одновременно с производственными помещениями строились школа и два жилых дома. Как раз 6 ноября 1957 года мы и въехали в первый дом. А 7 ноября устроили демонстрацию – вокруг дома.

К этому времени уже была сдана в эксплуатацию первая школа (№ 124); после «ноябрьских» заселили еще два дома; а под самый Новый 1958 год открылся первый детский сад на 125 мест...

Яхты, голуби и яблони

Удивительный парадокс Снежинска в том, что социальное пространство здесь сформировалось даже раньше жилищного. Нужно воспитывать культуру своей жизни прежде, чем появится свой угол. Для того же Д.Е.Васильева это было аксиомой – а следом передалось другим.

– Дмитрий Ефимович прекрасно понимал, какого напряжения умственных и физических сил стоило создание новейших образцов техники вооружения, – вспоминает В.И.Жучихин. – Для «разгрузки» он постоянно организовывал коллективные выезды на природу, затевал всевозможные игры, футбольные состязания, соревнования по рыбной ловле, по варке коллективной ухи на костре или устройству большого семейного обеда на лоне природы...

Почти «детективная история», например, произойдет с яхтами, которые появились в городе всё в том же 1957 году. Первые четыре яхты класса «М» завезли в город случайно – они предназначались для «сороковки». Именно тогда основатель яхт-клуба Юрий Вороти-

лов, «Адмирал», как его называли между собой, убедил Васильева произвести оплату этих яхт и не отправлять из города. Следом за яхтами появятся деревянный эллинг на берегу и плавучий пирс.

Как-то Дмитрий Ефимович скажет: «Если бы мне было суждено жить вторично, я бы стал биологом». Природу он боготворил. Например, в городе его знали как заядлого голубятника – голубей он любил с детства и знал в них толк. Как рыбак, он хотел развести в озерах карпа, сига и леща. Была в планах даже утиная ферма.

Снежинск обязан ему и цветущими яблонями на бульваре Циолковского...

Ротонда на берегу

На берегу Синяры у самой воды стоит небольшая белая ротонда. Эта беседка – не просто дань ландшафтному дизайну или архитектуре малых форм. Она практически ровесница городу – ее возвели в 1959 году.

Место здесь историческое. Рассказывают, когда по лесной дороге первый директор института Дмитрий Ефимович Васильев выбрался на берег озера, то, плененный красотой, сказал: «Здесь будет самый лучший город».

Свое слово он сдержал: из всех десяти городов Росатома Снежинск признан самым красивым.

Шестой десяток Д.Е.Васильев «разменять» не успеет – в 1961 году второго инфаркта не выдержит сердце...

Пик Васильева

И еще об исторической памяти. В старой части города, что спускается к берегу озера, практически на каждом доме, через дом висят мемориальные таблички: «здесь жил и работал...» История ядерного центра стала неотъемлемой, ежедневной частью городского пространства. И не только городского.

В 1967 году на Памире группа снежинских альпинистов совершила восхождение на одну из безымянных вершин (альпинизм был

тогда чрезвычайно ярким и модным увлечением, о чем свидетельствует знаменитый фильм «Вертикаль»). Покорив вершину, спортсмены обратились в комитет по физической культуре и спорту при Совмине СССР с просьбой назвать ее в честь Дмитрия Ефимовича Васильева. В 1969 году это название будет утверждено.

Улица на кордоне

Когда-то на этом потаенном месте был лесной кордон. В стороне от растущего города, на берегу Синары, словно «спрятавшись» и от строителей, и от самого «атомного проекта», стоят 11 старых двухэтажных коттеджей – вдоль маленькой улицы имени Гречишника.

В августе 1958 года весь институт был потрясен: прямо на работе от разрыва сердца умер один из ведущих конструкторов зарядов Владимир Федорович Гречишников – и это на 42 году жизни! Хотя сделать он успел немало, что даже не верится. Уроженец Уфы, выпускник МВТУ с отличием, он начинал как конструктор танковых двигателей, работал под руководством знаменитого Н.Л.Духова. В 30 лет Гречишников пришел в «Урановый проект» – уже с орденом Красной Звезды на груди за танки.

Работал он просто самозабвенно. В первой атомной бомбе есть и

В.Ф.Гречишников.

его вклад. А в Снежинске он, по существу, становится главным конструктором ядерного оснащения первого морского боевого комплекса – направление, ставшее особой гордостью ВНИИТФ...

В 1958 году будущая улица Гречишникова была лишь на бумаге.

Коттеджные жители

С этим поселком связано много историй. По указанию А.П.Завенягина предполагалось построить двадцать двухэтажных двухквартирных особняков для ведущих специалистов института и руководства. Однако стройка забуксовала по «идеологическим соображениям» – мол, негоже «разъединять рабочий класс с научными кадрами, заселяя последних в комфортабельные коттеджи».

Ускорение долгострою придал министр Е.П.Славский. «Он приехал в город в 1963 году, – рассказывает газета «Окно». – Человеком он был дотошым, и голые фундаменты в процессе проверки обнаружил. В итоге, выругавшись, дал указание разморозить строительство и в годичный срок завершить. В конце 1964 года новенькие коттеджи были готовы к приему новоселов».

С новоселами тоже вышло интересно. «Первоочередное право на выбор жилья получили три семьи. Каждая из них предпочла нечетную сторону – поближе к озеру. Научный руководитель института Е.И.Забабахин сразу же облюбывал первый дом на въезде в поселок – под первым номером. Начальник пятого сектора Юрий Аронович Зысин выбрал коттедж под номером пять. Литвиновы поселились в седьмом».

Вообще, предложение поселиться в коттеджах было сделано всем научным сотрудникам и руководителям. Но желающих оказалось не слишком много. Народ в то время предпочитал обитать в многоквартирных «ульях». Так, не захотел «отрываться от коллектива» директор предприятия Г.П.Ломинский, который любил находиться в гуще народа. Остались в городских квартирах семьи А.Д.Заха-

ренкова, Е.Н.Аврорина и многих других ведущих специалистов института. В итоге, на улицу Гречишникова попали люди самых разных, демократических профессий.

Зарисовка с натуры

Между поселком и озером густо разрослись тополя – детище Бориса Васильевича Литвинова. Зимой с озера дули сумасшедшие ветра, сбивая пешеходов с ног – вот и поставили заслон.

Сам Литвинов в 1989 году в литературных зарисовках описал свой дом: «В нашей половине две комнаты наверху, одна из которых наша спальня, а другая, рядом, всегда была детской. Сейчас там пусто... А на первом этаже нашего чудо-дома – кухня, три комнаты, кладовая (она же моя мастерская), прихожая. В одной из комнат – библиотека, в другой – гостиная, в которой уже давно, со времен моих инфарктов, почти не собираются гости. Это просто большая комната, в которой мне приятно бывать... Рядом с гостиной – маленькая комнатуха, пристроенная на месте веранды. Это мой кабинет. Здесь я работаю, пишу, в том числе и эти записки; читаю, думаю и просто сижу, глядя в окно на верхушки сосен...»

Улица Забабахина

По новым микрорайонам Снежинска идет широкая улица – улица Евгения Ивановича Забабахина. Да и сам российский ядерный центр носит его имя. По праву – почти четверть века, с 1960 года, Е.И.Забабахин будет научным руководителем института.

Герой Социалистического Труда, лауреат многих государственных премий, он участвовал в создании первого ядерного заряда. Еще в Сарове, будучи молодым младшим научным сотрудником института, Забабахин предложил ряд идей по совершенствованию заряда, которые сразу же пошли в работу и показали свою состоятельность на ядерных испытаниях в 1951 году. Это был первый ориги-

нальный, во многом забабахинский отечественный заряд.

Владимир Губарев, опубликовавший немало работ о выдающихся снежинцах, рассказывал: «Фамилия научного руководителя НИИ-1011 Евгения Ивановна Забабахина породила множество шуток. Самую знаменитую из них знают все, кто был связан с атомным проектом:

– Сначала мы американцев «обхаритонили», а потом «забабахали»...

«Кузькина мать»

«Забабахать» и вправду было чем. За годы существования института в Снежинске здесь было создано более половины ядерных зарядов отечественного арсенала. Это все ядерные авиационные бомбы, все ядерные ракеты для военно-морского флота, крылатые ракеты, артиллерийские снаряды. Кстати, до 1990-х годов на вооружении стояли самоходные гаубицы, которые стреляли на 20 км миниатюрными, мощностью до 10 килотонн, то есть в пол-Хиросимы, ядерными снарядами калибра «Авроры». В Снежинске создавались заряды для межконтинентального комплекса «Тополь» и боеприпас для баллистической ракеты нового поколения «Булава».

Впрочем, Е.И.Забабахину в начале своей работы научным руководителем пришлось «доводить до ума» самый масштабный проект хрущевских «гигантоманских» времен – знаменитую «Кузькину мать», бомбу мощностью в 50 мегатонн. Основные работы по заряду проводил институт в Сарове; снежинцы «отрабатывали» авиабомбу, парашютную систему и изменения в конструкции самолета.

«Кузькина мать».

«Кузькина мать» на поверку вышла чудовищных размеров: 2 метра в диаметре, около 8 метров в длину и весом почти 25 тонн. На испытаниях на Новоземельском полигоне обошлись «половинной мощностью» – но и этого хватило, чтобы «океан показал свое дно...»

Ядерный взрыв в миниатюре

Больше мега-бомб в истории ВНИИТФ не будет – и слава Богу! Практически всем сотрудникам института, и Е.И.Забабахину прежде всего, было понятно, что дальнейшая погоня за мощностью не имеет смысла и ведет в тупик. Именно тогда, в начале 1960-х годов, у института стала формироваться своя «независимая» политика. «Зеленый свет» был дан работам, направленным на миниатюризацию систем, на их высокую эффективность, улучшение технических характеристик. В итоге, как писал Б.В.Литвинов, институт, который создавался для разработки особо крупных ядерных устройств, преуспел как раз в обратном.

В.Губарев приводит ряд снежинских «рекордов». Здесь разработали самый маленький ядерный заряд для артиллерийского снаряда, самый легкий боевой блок, самый прочный и термостойкий ядерный заряд, самый экономичный по расходу делящихся материалов и, наконец, самый маленький по мощности заряд-облучатель.

Маленькие-маленькие, но... В Снежинске любят рассказывать байку, как однажды директору института Г.П.Ломинскому позвонили из Челябинского обкома КПСС и сказали:

– У нас тут самодельное взрывное устройство в общественном транспорте сработало, так мы подумали, не ваше ли?

– А город цел? – спросил в ответ Георгий Павлович и, услышав, что Челябинск в порядке, добавил: – Тогда не наше...

Мирный атом

Есть еще один парадокс, возникший под руководством Е.И.За-

бабахина. Суть в том, что снежинский институт, создавший две трети ядерного военного потенциала страны, преуспел и в зарядах для мирных, промышленных целей. Б.В.Литвинов объяснил такой подход очень просто: ведь и обычная взрывчатка использовалась сначала для подрыва вражеских крепостей, а потом стала применяться при добыче полезных ископаемых. Почему энергия атомного ядра должна быть исключена?

Забабахин, считавший, что институт всё же должен оставаться в своей «оружейной нише», тем не менее, препятствовать «мирной тематике» не стал – причем, так «не стал», что даже прослыл горячим ее сторонником. Энтузиазм, с которым велись исследования по промышленным ядерным взрывам, лучше всего пояснил в воспоминаниях Л.П.Феоктистов:

– Мы свято верили, что ядерная война с ее бесчисленными бедствиями никогда не настанет, сознавали, что во имя этого и стараемся, обеспечивая ядерный паритет. И всё же каждому из нас по-человечески очень хотелось, чтобы труд, которому себя посвятили, принес непосредственную пользу обществу. В этом мы видели некий элемент внутренней реабилитации...

Синус против радиации

В «гражданской тематике» у Евгения Ивановича Забабахина всё же была одна мечта – он хотел подарить миру такое изделие, которое вообще не имело бы осколочной радиоактивности либо сводило ее к самому минимуму.

Над этой проблемой работали несколько лет – как до первого испытания промышленного заряда осенью 1967 года, так и после него. В итоге возникло устройство настолько необычное, что сами сотрудники института с трудом верили в его существование – радиоактивность продуктов деления снижалась в десятки раз! Имя для этого «специального иницирующего устройства» нашлось сразу по первым буквам – «Синус».

Памуку на помощь

Спасительная сила промышленного ядерного взрыва, разработанного снежинцами, будет понятна уже через год в Средней Азии.

На газоконденсатном месторождении в узбекском Памуке произошла серьезная авария и возник мощный горящий факел. Укротить его силами пожарных не было никакой возможности – попросту не приблизиться к огненно-му фонтану. Пытались использовать артиллерию, чтобы сбить бующее пламя, – безуспешно.

– Тогда обратились за нашим зарядом, – вспоминал Л.П.Феокистов. – Была пробурена наклонная скважина – в направлении аварийной. В нее опустили специальный ядерный заряд, скважину забетонировали и произвели подрыв. Мощный подземный взрыв пережал ствол аварийной скважины, поступление газа наружу прекратилось. Кстати, взрыв производился в исключительно тяжелых условиях, при температуре около 100°C. Но вся конструкция сработала в расчетном режиме.

Промышленные ядерные заряды показали себя и на шахтах: они лучше всего снимали горное давление, встряхивали горные породы и выпускали газ – тот самый метан, который при неожиданном выходе взрывался и уносил десятки горняцких жизней...

Невостребованный шифер

Едва прошло первое «забабахинское десятилетие», как ВНИИТФ преподнес еще один сюрприз, доказав, что промышленный ядерный взрыв может еще и созидать – выступить своеобразным «подрядчиком» в строительных работах. Это произошло на соляных пластах в районе Каспийского моря, на Дедуровском месторождении в Оренбургской области.

Суть в том, что в толстом слое каменной соли нужно было создать группу подземных хранилищ для газового конденсата. «Просто так» вырубить полость на глубине свыше километра невозможно. Тогда был предложен уникальный метод

«грунтового шара», разработанный в институте.

– Готовились мы к работе основательно, – вспоминает автор метода Альберт Петрович Васильев. – Вместе с заказчиком выбирали мощность заряда. От нее зависели и объем полости, и уровень разрушений на промысле и в ближайших поселках. Взрыв прошел успешно. В итоге появилась полость на 50 тысяч тонн конденсата.

Кстати, накануне взрыва на месторождение доставили не только ядерный заряд. Ремонтные бригады завезли сюда кирпич, цемент, шифер – кто знает, сколько будет треснутых печей в домах и обвалившихся труб? Всё вышло по минимуму – невостребованный шифер и стройматериалы передали ближайшему совхозу...

Упущенный Удокан

Промышленные ядерные взрывы с целью дробления рудного массива проводились в разных местах – например, в Апатитах, на Кольском полуострове. Здесь тоже не обошлось без интересных решений – взрыв был рассчитан так, что основная доля энергии направилась в рабочую область, а радиоактивная часть сама «захоронилась» в отдалении.

Но об одном нереализованном «промышленном проекте», уже на излете советской эпохи, специалисты Снежинска жалеют серьезно.

– Мы приступили к осуществлению уникального проекта – вскрытию Удоканского медного месторождения, самого крупного в стране, – вспоминает Евгений Николаевич Аврорин. – Если бы нам удалось его осуществить, то проведение БАМа было бы оправдано. Это одна из упущенных возможно-

Удоканское медное месторождение.

стей, которая позволила бы освоить эти районы Сибири на много десятилетий раньше...

Кстати, не будет завершена и любимая идея Е.И.Забабахина. Еще в начале 1960-х годов были получены алмазы при проведении обычных взрывов. Но кристаллики были маленькие, так как при таких взрывах давление можно создать лишь на короткое время. Предполагалось, что при ядерном взрыве алмазы будут значительно крупнее...

Получили «баранку»...

За годы работы институт провел более ста промышленных взрывов. Не всё проходило гладко – взрывов пять было неудачных, где фиксировались выбросы. «Пшики» случались и с военными зарядами – такова специфика экспериментальной работы. Несработку заряда называли когда «нулями», когда «баранкой» – как в футболе: из-за неявки команды на матч.

Впрочем... В 1970 году на совещании в Минсредмаше один из генералов начал критиковать Забабахина за увлечение промышленными зарядами – мол, «институт неоправданно много отвлекается на эту тематику». Министр Славский буквально зарычал:

– Когда генералы высказывают глупости... Люди ведь пытаются раскрыть физику явлений. Даже я, полуобразованный, и то это понимаю. Пусть работают и пусть учатся извлекать пользу даже из своих «нулей», если не получают желаемого результата.

В Снежинске так и делали – а ничего другого не оставалось...

Логарифмическая линейка

«Каждый просчет должен быть пересчитан» – не глядя на количество знаков после запятой. Математическое моделирование процессов было и остается основой работы над любой темой. Истинность высказывания, что природа написана языком математики, сотрудники института испытали «на своей шкуре» во главе с удивительным математиком, организатором

и балагуром Арменом Айковичем Бунатяном.

Основным рабочим инструментом была логарифмическая линейка. В музее института хранится линейка с длиной шкалы в один метр, принадлежавшая Е.И. Забабахину. Рассказывают, что по точности расчетов на этой линейке Евгений Иванович вполне конкурировал с арифмометром или самой высокоточной на 1960 год счетной машинкой «Мерседес». К слову, с арифмометрами в перерывах забавлялась молодежь: устраивала соревнования – кто быстрее прокрутит ручку...

Первая вычислительная машина появилась в институте еще в 1957 году – «Стрела», делавшая две тысячи операций в секунду. А еще через два года появилась новая ЭВМ с производительностью в 10 раз выше. Но и на этой технике считать одну задачу приходилось месяца по три-четыре, оставаясь у машины до глубокой ночи. Как вспоминает Вера Алексеевна Аврорина, именно для таких случаев в сейфе лежали подушки и одеяла...

Прошу к доске

Еще один незаменимый инструмент для «мозгового штурма» – обычная доска с мелом.

– Евгений Иванович предпочитал излагать мысли у доски, – рассказывает Б.В. Литвинов. – Видимо, считал, что так нагляднее и доход-

чивей. И коллег к этому стремился приучить. У него даже в доме, в мастерской на втором этаже, где мы частенько собирались, была доска. А на работе, в его служебном кабинете, она была устроена так, что поднималась и занимала всю стену. Сам он писал на доске с исключительной аккуратностью – маленькими буквами, но совершенно четко.

Эта доска в кабинете Забабахина была неотъемлемой частью технологии проведения научно-технических советов.

– Как они проходили? Я вам скажу, – поясняет Борис Иосафович Беляев, директор опытного завода. – Выходили теоретики и на доску заносили свои «изделия», которые им было бы интересно испытать в натурном виде на будущий год. Таких «изделий» набиралось больше трех десятков. Затем проводилась первая «чистка», потом еще, пока не останутся два десятка тем.

Забабахинские загадки

Кстати, насчет почерка. Это действительно продолжение характера человека. По воспоминаниям, Е.И. Забабахин не любил ни многословия, ни сквернословия; был предельно сбит, емко в каждой фразе; не любил менять решений без веских доказательств. Его речь была литературно правильной, без словсорняков. Да они бы и не «уместились» на четвертушке листа из школьной тетради, где были набросаны тезисы. К любому выступлению готовился тщательно – будь то перед учеными или школьниками.

Из «школьного общения», естественно, выросал снежинский психологический настрой. Так, Евгений Иванович довольно часто задавал на семинарах и в личных беседах интересные «школьные» задачки и вопросы. Например: почему облака имеют форму? Почему при выключении газовой конфорки быстро образуется облако пара над сковородой? Наконец, не происходит ли сепарация тяжеловодородной воды при обмерзании стенок рыбацких лунок?

Вот и попробуйте ответить...

Как Забабахин золото мыл

Были у Евгения Ивановича и неожиданные увлечения – например, он подвергся «золотой лихорадке». Забабахин обратил в «золотопромышленники» Лев Феоктистов и сам подробно рассказал эту историю.

«Однажды, в окрестностях Вишневогорска нам показали заброшенные выработки, где когда-то давно добывали редкие металлы. Умные люди объяснили, что в отвалах наверняка есть тяжелые элементы, включая золото. Оснатившись соответствующим образом, всей семьей мы отправились за добычей. Набрали в мешки землю с выработок, привезли на лесной ручей и стали мыть золото. Удивительное ощущение – в самый последний момент, когда на решете вроде бы и земли уже не осталось, вдруг сверкнут на дне мелкие золотые крупинки...»

Когда крупинок намылось на четверть пробырки, Феоктистов поведал о своей тайне Забабахину. «Нужно было видеть, с каким воодушевлением он взялся за дело. Отобрал у нас все причиндалы – совок, решето и тому подобное, а потом несколько дней напролет, не отвлекаясь на служебные дела, мыл золото. Мыл до тех пор, пока один «знающий коллега» популярно не разъяснил «старателю», что он совершает уголовно наказуемое деяние с реальным сроком, а золото подлежит регистрации и немедленной сдаче на государственный приемный пункт в Каслях...»

Как Забабахин активно отдыхал

О Евгении Ивановиче вспоминают, что он «не умел отдыхать» – в том смысле, чтобы ничего не делать и ничем не обременяться. Напряжение от работы он снимал... за рулем автомобиля, забываясь черт знает куда, в самую глухомань; зимой – на лыжах: подышать морозным Уралом, вкушать эликсир жизни. Он вообще искренне не понимал тех, кто собирается в отпуск:

– Зачем вам отпуск, разве здесь плохо?

Е.И. Забабахин.

Е.И. Забабахин на лыжах.

Хотя сам в 1968 году выбрался на Кавказ, в горы – «вспомнить молодость». «Еще в довоенные годы он несколько раз покорял вершины Кавказа. В одном из восхождений под ногами Евгения Ивановича обвалился снежный карниз. Сорвавшись, молодой Забабахин зацепился ледорубом уже на краю отвесной стены. Помогли тренированность, выдержка, и, чем он особенно гордился, его спасителем была женщина-инструктор...»

В Снежинске он тоже остался «продвинутым» спортсменом: общался и со своих коллег, и со своих детей к новейшим видам спорта – водным и горным лыжам, виндсерфингу, дельтапланеризму.

Как Забабахин гостей принимал

– Удивительный дом был у Забабахиных – без всяких украшательств и роскоши, – рассказывал Лев Феокистов. – В переднем углу, на самом видном месте – горные лыжи разных фасонов и размеров. На стене – отметины карандашом: Евгений Иванович вел точный учет белым грибам, которые собирала его жена Вера Михайловна. В этом деле никто не мог ее превзойти.

Гостей принимали среди всевозможных поделок – Забабахин

был рукодельником: резал из свилей и капов причудливые вазы и вообще виртуозно работал на токарном станке. Радужие и «праздник живота» обеспечивала Вера Михайловна. На всякий праздник – пироги, на масленицу – гора блинов. И всегда – домашние разносолы. К слову, Евгений Иванович никогда не пил хмельного, хотя другим не препятствовал; но как только начинался пьяный разговор, потихоньку исчезал.

Тот же Л.П. Феокистов говорил, что по части гостеприимства конкурировать с Забабахинскими было невозможно. Хотя приводил одну свою семейную – победную – историю. Как-то родственники с Сахалина прислали большую посылку с икрой. Феокистовы объявили «сабантуй»: приходите, дескать, дорогие сослуживцы, с ложками – икру будем есть.

– Евгений Иванович не поленился, на своем деревообрабатывающем станочке наделал много ложек, раздал гостям. Теперь вообразите толпу, которая поднимается по лестнице, гремит что есть мочи ложками и скандирует: «И-кры! И-кры!..»

Дом теоретиков

На самой старой улице Снежинска, 40 лет Октября, один дом – под третьим номером – выделяется особо. В городском обиходе его по-прежнему называют «домом теоретиков»: именно здесь в конце 1957 года поселили молодых ученых-теоретиков с семьями – Аврорины, Феокистовы, Мурашкины, Васильевы, Романовы.

Научные открытия рождаются не только в тишине рабочего кабинета.

**Детство во дворе на улице
40 лет Октября.**

нета. Скажем больше: идеям нужен шум, споры, искренность, дружба. «Дом теоретиков» такими качествами обладал. Дети шумно возились во дворе, играли в футбол, хоккей. По праздникам, как шутили жители дома, «устраивались банкеты, на которые порой не хватало Ленинских и государственных премий». Были игры до полуночи в преферанс и винт.

Объединял и быт – в какую квартиру ни зайдешь, кажется, что к себе попал. Обстановка была практически одинаковая – что завезут в магазины, то все и покупали: первые холодильники «Саратов», первые телевизоры «КВН» или «Темп».

Изделие «четыре-двенадцать»

Кстати, о банкетах... Обитатель дома теоретиков Альберт Васильев, в будущем директор центра экологической безопасности Минатома, рассказывал, как отмечали рождение его сына. Сначала пришлось пробежаться по друзьям-садоводам: за свежей зеленью, картошкой, огурцами. Потом огорошить приехавшую из Москвы тещу числом гостей – может, двадцать, может, сорок. Следом – большая работа на маленькой кухне. Наконец, великолепные гости...

– Всем было весело. Пели песни, рассказывали анекдоты и, конечно, поднимали тосты за сына, за жену, за всех нас. И никто не обращал внимания, что не хватает стульев и даже тарелок и вилок. Только добрая моя теща страдала, видя, как гости садятся на боковины дивана и на ручки кресел и едят по двое из одной тарелки. В Москве такого не увидишь!

Для гостей всегда было что-нибудь припасено из спиртного, хотя пили немного. Особенно ценилось «изделие четыре-двенадцать» – «катализатор теоретической мысли» – армянский трехзвездочный коньяк по цене 4 рубля 12 копеек. Он появлялся не только на праздники, но и после окончания какой-либо сложной темы, работы или напряженного совещания. Даже шутили между собой:

– Здорово! Мы занимаемся любимым делом, а нас еще за это и коньяком угощают!..

«Это нога – у кого надо нога...»

Когда мозгам нужна встряска, лучше всего подключить ноги. Ничего парадоксального теоретики в этом не видели; а потому, когда в «профилактических целях» стали повсеместно вводить производственную гимнастику, они превратили ее в футбол. В помещении играли тряпичным мячиком, а затем, «повзрослев», перебрались на стадион, организовали футбольную команду.

– Азарт был, да еще какой! – вспоминает Борис Мурашкин, начальник теоретического отдела ВНИИТФ. – Рубились у ворот, как в финале на чемпионате мира!

С одного из таких финалов на носилках со сломанной ногой вынесли уникального ученого-теоретика, будущего академика Льва Феоктистова...

Улица Феоктистова

Когда-то здесь была улица Новая – южная кромка строящегося Снежинска, отделявшая городские кварталы от промышленной зоны. Название притерлось со временем настолько, что жители искренне недоумевали по поводу переименования.

Примечательно, что «притерлась во времени» и теоретическая идея «мощи заряда в миниатюре»

Л.П.Феоктистов.

Льва Феоктистова, положенная в основу термоядерных зарядов, которые и по сей день находятся на вооружении Российской армии. В 1958 году, когда Феоктистов получил за свою идею Ленинскую премию, ему было всего тридцать лет. Затем появятся исследования по термоядерной детонации, по изучению свойств вещества в экстремальных условиях, по созданию «чистой» бомбы с минимумом радиации.

В мире идей

Феоктистов и сам был «чистым» теоретиком с минимумом организаторских задач. Администрирование – не его стихия. Успех ВНИИТФ заключался в том, что каждый занял свое, предназначенное место: Забабахин делал оружие, Феоктистов вел фундаментальные исследования, Ломинский обеспечивал институт и город всем необходимым. Это была потрясающая тройка, вкуче с другими за два десятилетия создавшая снежинский наукоград.

Кстати, незаурядное научное воображение, красивое и азартное изучение мира идей совершенно «вытеснили» Феоктистова из быта – «в одном месте прибыло, в другом убыло». Его жена, Александра Ивановна, вспоминала, что он не разбирался в бытовой технике, машину чинил только кулаками по капоту или ногами по колесам электропроводка и сантехника – их словно не существовало. Позднее он искренне восхищался теми, кто сделал мобильный телефон – его удивляло, как по такому крохотному аппарату можно дозвониться куда угодно...

Прощай, оружие

Лев Петрович Феоктистов уедет из Снежинска в 1977 году – в Москву, в Курчатowski институт. А в 1999 году, в канун 50-летия первого ядерного испытания, выйдет книга, объяснившая и его отъезд, и его убеждения – «Оружие, которое себя исчерпало».

О своем отношении к ядерному оружию он говорил часто и искрен-

не. После чудовищного взрыва «кузькиной матери» на Новой Земле, Феоктистов считал его «оружием самоубийства», считал, что произведенных зарядов хватит с лихвой, чтобы несколько раз «перевернуть землю».

В Москве он «оружейной тематикой» больше не занимался. Его интересовали новые источники энергии. Он включился в большую работу по проблемам безопасности ядерных реакторов – практически одновременно со взрывом на Чернобыльской АЭС. Собственно, за эту работу Феоктистов был избран академиком.

Л.П.Феоктистов умрет 14 февраля 2002 года – в день своего рождения... В созвездии Водолея, под знаком которого он родился, теперь есть звезда с его именем...

Раз завод, два завод

Борис Беляев, директор опытного завода и главный инженер ВНИИТФ в 1980-х годах, говорил, что атомщики в период становления института жили с коэффициентом «один к десяти»: им удавалось сделать за год столько, сколько в других отраслях потребовало бы десятилетия. Не было ограничения в ресурсах, всё необходимое доставлялось в Снежинск «с пылу с жару», темп научной и производственной жизни был крайне высок.

К слову, о производстве. На площадке института разместился не один государственный завод, а сразу два. Первый обеспечивал процесс научных исследований, «проверял на жизнеспособность» конструкторские решения, готовил опытные образцы. Второй вел серийное производство, занимаясь непосредственно взрывчатыми веществами.

– У нас не было разрыва между разработкой и внедрением, – рассказывает Б.Беляев. – Работала вся цепочка – от теоретических замыслов до воплощения в «железо» и полигонных испытаний, включая конкретного потребителя в лице Минобороны. Тогда нас так и называли – научно-производственное объединение. В самом лучшем его виде. Вряд ли где еще

такое было – разве что в Арзамасе...

Ничего невозможного

Воплотить в «натуре» теоретическую или конструкторскую идею, причем, в такой крайне сложной сфере – для этого требовались люди. В Снежинске всегда с уважением рассказывали, например, о токарях высшей категории, уникальных сборщиках, талантливых слесарях, сварщиках. Их квалификация была редчайшей – а за периметром о подобных разрядах могли только мечтать.

Задачи приходилось решать самые разные. Борис Беляев вспоминал, как однажды опытному заводу поставили задачу сварить узлы из урана. Через несколько недель Е.И. Забабахин пришел и снял задачу, хотя надобность в такой сварке не отпала. Дело в том, что он получил отчет от академика Бочвара, что такая сварка невозможна.

Научного руководителя института попросили этот отчет никому не показывать и убрать в сейф – пусть полежит месяца два. За это время на заводе нашли способ, и конструкции пошли со сварными деталями. Так что нет ничего невозможного...

В Миасс, к Макееву

Кстати, варили урановые узлы по заказу... из Миасса, из КБ Макеева. Вообще, работа над созданием небольших водородных зарядов – это самостоятельная страница в истории Снежинска. Именно здесь были созданы основы для разделяющихся головных частей – РГЧ. Этим термином стали обозначать группу зарядов, располагающихся на одной ракете-носителе.

Главным «потребителем» РГЧ и стало бюро Виктора Петровича Макеева. «Это в его КБ и под его руководством были созданы мощные морские ракеты для атомных подводных лодок, включая межконтинентальные ракеты с РГЧ, – рассказывает Е.Н. Аврорин. – Ядерное оснащение этих ракет полностью обеспечивалось «продукцией» нашего института».

Кто стоял за созданием межконтинентальных ракет, лучше всего показал... банкет на юбилее в Миассе. О нем рассказывал Борис Литвинов. «За столом мы оказались рядом со Львом Феоктистовым. Он послушал-послушал первые тосты, да и сам поднимается:

– Вот непонятно мне, почему все слова только в адрес одного человека? Вы, Виктор Петрович, – обращается к Макееву, – конечно, сделали много. Но ведь еще и коллектив работал – большой коллектив! Так рождается культ личности! Лично я бы со стыда сторел... Поэтому я принципиально пью за КБМ – за тех, кого здесь нет!»

Улица Ломинского

Вдоль новых снежинских кварталов протянулась улица имени Георгия Павловича Ломинского. Символично, что именно среди новостроек – для человека, который четверть века был директором ВНИИТФ, ничего «старого» не было: институт и город рождались на его глазах, при его непосредственном участии и чутком руководстве. Снежинск был его любимым детищем, к которому он относился по-родительски ревностно, по-генеральски – строго, по-человечески – с пониманием.

Человек необычайного организаторского таланта, генерал-лейтенант, дважды награжденный орденами Ленина и Красной Звезды, трижды орденом Трудового Красного Знамени, Г.П. Ломинский не стал вмешиваться в дела ученых или руководить научными разработками – зачем, если есть Е.И. Забабахин и Л.П. Феоктистов? Очерчивая свою миссию, говорил просто: «Я директор. Я должен обеспечить, чтобы всё крутилось-вертелось!» И в итоге – обеспечил создание двух третей всей номенклатуры отечественного ядерного оружия...

Дюже добре

Его судьба обычна для военного поколения. Георгий Павлович родился в 1918 году на Украине – в небольшом городке Казатине,

главной достопримечательностью которого являлось железнодорожное депо. В детстве мечтал стать машинистом, как его отец; потом увлекся авиацией и записался в планерную школу – небом тогда грезил почти вся страна. А на земле – «походы» по чужим садам, игра в карты с беспризорниками, уличные бои и прочие «полезные издержки» детства, воспитывающие характер.

После окончания школы будет успешная учеба на машиностроительном факультете Киевского индустриального института с неизменными оценками в аттестате-зачетке – «дюже добре». Когда лучшим студентам предложили продолжить учебу в военных академиях, Ломинский выбрал артиллерийскую и в сентябре 1938 года уехал в Москву. С этого времени и до конца жизни Георгий Павлович называл свой труд строгим словом «служба».

От гранаты до бомбы

В мае 1941 года выпускника академии, старшего техника-лейтенанта Ломинского распределили на научно-исследовательский полигон стрелкового и минометного вооружения, располагавшийся в подмосковном местечке Щурово. Как рассказывает сне-

Г.П. Ломинский. 1941 г.

Г.П.Ломинский.

жинская газета «Окно», Георгий Павлович испытывал гранаты, которые впоследствии ставились на вооружение. В частности, ему пришлось участвовать в разработке гранаты РПГ-1, которая успешно пробивала броню немецких танков.

«Служба на полигоне оказалась сродни фронтовой. Частичная потеря слуха и осколки, которые так и остались в ногах на всю жизнь, явственно свидетельствовали об опасности опытов. Нередко приходилось заниматься и разминированием неразорвавшихся немецких бомб».

В тридцать лет Г.П.Ломинский – начальник отдела полигонов в закрытом Приволжье, признанный специалист в проведении взрывных работ. Это признание и предопределило судьбу: в 1948 году Ломинский попадет в атомный проект, в Арзамас-16. А еще через год станет «хозяином» испытательной площадки на Семипалатинском полигоне. Группа под его руководством провела аттестацию сооружений, механизмов, оборудования, отработала все детали операции по перевозке и подготовке к испытанию первого ядерного заряда. Перед взрывом Ломинский ушел от бомбы одним из последних – вместе с К.И.Щелкиным.

Вместе с ним и приедет на Урал – в 1955 году...

Народный генерал

Ни об одном человеке не ходит в городе столько легенд, баек, воспоминаний, как о Ломинском. И это есть главное свидетельство искренней любви людей и непререкаемого авторитета «народного генерала». Таким он, по сути, и был – всегда среди людей, прост и досту-

пен для каждого, при этом без какого-либо панибратства, компанейский человек с активной жизненной позицией. «Не надо отрывать от грунта», – одна из любимых его поговорок; люди живут на земле, а не в облаках.

«Ломинский умел находить общий язык буквально со всеми, – вспоминают снежинцы. – Его радостно приветствовали на борту экипажи и командиры самолетов, летающих гражданскими рейсами из «Кольцово». С ним перебрасывались шутками молодые пловцы в бассейне, в котором Георгий Павлович с группой товарищей плавал по утрам. Его любили спортсмены, которых он поддерживал, детишки из «Орленка» и все горожане...»

И еще маленькая деталь из воспоминаний: «Зайдя в магазин «Огонек», сталкиваешься с небольшим, приветливым старичком в брюках с красными лампасами и с авоськой, в которой хлеб и бутылка кефира, – это генерал Ломинский! И всё так просто, без пафоса...»

Жениться надо на Марии Ивановне

На одной из встреч Ломинского спросили – мол, как стать генерал-лейтенантом? Он, не задумываясь, ответил: «А надо жениться на Марии Ивановне». В этом заключена большая правда – добиться больших высот человеку без «второй половинки» сложно, а иногда и невозможно.

Они познакомились накануне войны – на том самом полигоне в Щурово, куда распределился молодой лейтенант. Мария работала машинисткой при штабе – поэтому «разгонять конкурентов» пришлось основательно. Она пройдет с ним по всей службе, родит двоих дочерей.

К слову, из-за нее он однажды чуть не «поссорился» с Е.П.Славским. В министерстве Ломинского уважали, но не сильно любили за самостоятельный нрав. «Вызвали однажды директора в Москву на коллегию для отчета. Он улетел вечерним самолетом, а утром ему доложили, что жена, Мария Ивановна, упала и сломала ключицу.

Георгий Павлович сразу же поехал в аэропорт, чтобы вернуться домой. Об этом поставили в известность Славского. Тот, понятное дело, рассердился и потребовал присутствия Ломинского на заседании. Но генерал все-таки улетел, сказав коллегам:

– Министры приходят и уходят, а Мария Ивановна у меня одна!»

Матом не построишь атом

Запомнился Ломинский и своей манерой говорить. Его речь была насыщена меткими фразами, крылатыми выражениями, каламбурами. Например, если кто-то предлагал идеи, которые нельзя реализовать на практике, получал в ответ: «Не стоит раздувать кадило». На излишнюю ретивость не слишком высоких начальников была своя констатация: «Не так страшен черт, как его малютки». Иногда советовал: «Начальству надо говорить правду и только правду... но не всю».

Из каламбуров один «Захолуст-36» чего стоит! – и это будущий Трехгорный. В самом Снежинске появилась «водочно-лодочная станция». Да и как без нее, если «рыба ищет, где глубже, а человек – где рыба». Особенно после напряженных рабочих будней – «нет повести печальнее на свете, чем повесть о 17-й ракете».

Были поговорки и пожестче, и с красным словцом, без которого генерал – не генерал. Другой разговор, что Ломинский не усердствовал в этом. Он вообще не устраивал людям разносы; был четок, внимателен, вежлив; любил повторять знаменитое выражение Я.Б.Зельдовича: «Матом не построишь атом!»

Замки вставляем...

Городская память хранит о Ломинском многое – может быть, потому, что в нем было много обычного, понятного людям, похожего. Георгий Павлович, например, никогда не стремился к роскоши – не она делает человека человеком. Трехкомнатная квартира, в которой Ломинские жили впятером, со-

Г.П.Ломинский с внучкой.

всем не соответствовала генеральским «стандартам». Зато в ней было очень много книг. Не для интерьера – для души.

Генерала любили соседи – за доброжелательность, за жизнерадостность, за отсутствие всякого чванства. Когда теряли ключи, шли к Ломинскому – и вот почему. Георгия Павловича со школы тянуло, как он сам говорил, «ко всяким металлическим делам». Поэтому директор брал маленькие тисочки, заготовки, делал новый комплект ключей и собственноручно проверял, подходят ли они к замку.

Стаканы подносим...

Одну легенду о Ломинском, когда ему было уже за шестьдесят, в городе любят особо, и она ходит во множестве вариантов.

Однажды вечером, выбив ковер, Георгий Павлович в спортивных штанах и футболке присел на скамейке возле своего подъезда. К нему подошли двое молодых людей – приезжие: не то офицеры в штатском, не то командировочные или молодые специалисты. По случаю приезда купили себе бутылку вина, зашли во двор, а пить из горла не хочется:

– Дед, есть стакан, выпить хочется.

«Ломинский не поленился, вынес им два стакана. Молодые люди выпили, поговорили с «дедом» о

жизни и в качестве благодарности оставили ему пустую бутылку – «на хлеб». На следующее утро два молодых лейтенанта пришли представляться генералу – директору института. И, к своему ужасу, увидели за столом вчерашнего «деда» в генеральском мундире. На их счастье, Георгий Павлович был человеком с юмором...»

Рядовых возим...

Но, пожалуй, самой красивой байкой о Ломинском, лучше всего иллюстрирующей его «взаимоотношение с городом и людьми», является история с автомобилем.

Рассказывают, что Георгий Павлович попросил своего водителя поменяться местами – захотелось самому проехать за рулем. Пересели, поехали. На дороге машину остановил гаишник, подошел и оторопел. Потом рассказывал своим коллегам:

– Я не знаю, кто ехал в этом авто, но шофером у него был генерал-лейтенант...

Порядок в городе...

В Ломинском удивительным образом сочетались свойства генерала, директора и человека. Именно это сочетание позволило решать огромное количество вопросов, как производственных, так и общегородских, которые он на себе замкнул. Казалось, что ни один аспект жизни не выпадал из его поля зрения.

«Его можно было встретить не только в секторах, цехах, на полигонах или в главке, но и в солдатских казармах, на строительных площадках, в пионерском лагере, в магазинах, на спортивной эстафете, в подшефном совхозе и просто на улицах города. Причем, никто не знал, где именно, на каком объекте он появится или по какому двору пройдет.

– Нравится нам у вас, везде чистота и порядок, – говорили приезжие.

– А как же! Ходим, смотрим, гоняем! – отвечал генерал.

И «гонял». По понедельникам с утра собирал на оперативку руко-

водителей разных служб – по итогам инспекций. Об ответственности за поручения напоминал и почтовый ящик, который висел перед входом в его кабинет и куда каждый мог опустить свое письмо по любому вопросу. Ящик Георгий Павлович вскрывал лично, и о настроениях людей, их проблемах узнавал из первых рук.

...в семье...

С особым пристрастием Ломинский выслушивал доклады начальников ОРСа – отдела рабочего снабжения, обеспечивавшего город всеми необходимыми товарами – и медсанчасти. Он прилагал массу усилий для того, чтобы все жители, от мала до велика, были здоровы, одеты, обуты, накормлены. И счастливы.

«Очень огорчился, когда распадались семьи, – вспоминают горожане. – Детей из неполных семей называл сиротами, знал, сколько их у нас. Считал, что семьям с ребятишками, а особенно многодетным, надо вовремя предоставлять подходящее жилье, чтобы бытовые проблемы не повлияли на взаимоотношения супругов.

Однажды на прием к директору пришел многодетный отец, который целый год ждал улучшения квартирных условий.

Генерал Г.П.Ломинский.

– А почему не дают-то? – спросил Георгий Павлович.

– Да крутят чего-то...

Ломинский взял ручку с красной пастой и размашисто вывел на заявлении: «Кончайте крутить!» Квартирный отдел от такой резолюции сильно всполошился, и уже через две недели счастливое семейство справляло новоселье...

...и в головах

Впрочем, такие случаи были скорее исключением – городские службы старались работать, как часы. При всех значительных ресурсах приходилось быть рачительным – это обратная сторона порядка. Прежде чем принять то или иное предложение, Георгий Павлович требовал веские аргументы в его пользу. А затем, когда решение принято, достаточно жестко контролировал исполнение.

Единственное, на что Ломинский иногда закрывал глаза – на надписи на заборах или стенах. «Думай головой, разрушай иллюзии», – стоит ли такое стирать или закрашивать, когда проявляется характер города: города теоретиков, интеллектуалов, людей с конструктивным инженерным мышлением?..

Генеральский «недоскреб»

«...В 1964 году, когда начиналась эпоха Ломинского, институт был ещё очень молод, – рассказывает Н.П.Волошин. – Строительство экспериментальной и производственной базы научно-исследовательского комплекса, зданий, сооружений самого различного назначения шло полным ходом. Хотя проекты площадок разрабатывались специальным институтом, в самых различных ситуациях директору приходилось становиться арбитром...»

Об одной такой ситуации в городе ходит целая легенда. Когда на центральной «девятой» площадке запланировали строительство «вставки» между зданиями КБ-2, собралось большое совещание по проекту – новое здание как-никак должно было стать «лицом инсти-

тута». Выбрали проект башни-небоскреба в 12 этажей. Ломинский, которому такая «этажность» явно не нравилась, поначалу согласился. Когда эмоции стихли и проект обсудили со всех сторон, он сказал:

– Ну, вот и хорошо, что все вопросы утрясли. Только один вопрос остался, но я его решу сам, – берет карандаш и вычеркивает несколько верхних этажей, приговаривая: – На эти деньги мы построим новые казематы и в Орленке новые корпуса сделаем. Кто против?

Люди, которые полчаса тому назад готовы были таскать друг друга за грудки, сидели, разинув рот. Один только сказал: «Что ж, пусть будет – Недоскреб...»

«Орленок» на Сунгуле

Имя генерала Ломинского в Снежинске носит не только улица, но и его любимое место и детище на Сунгуле – детский лагерь «Орленок».

Если сказать, что он обустроивал лагерь с азартом, – не сказать ничего. Всё было гораздо серьезнее в масштабах. Ломинский стал заниматься «Орленком» сразу по приезду на Урал, а затем вообще объявил лагерь общегородской стройкой. Две очереди корпусов, стадион, бассейн – строительство генерал контролировал лично.

А еще он загорелся сделать в лагере настоящую выставку военной техники. Сказано – сделано. На берегу озера Сунгуль заняли свои позиции гаубицы, зенитки, самоходная установка, танк Т-34, истребители, штурмовики. Появился даже списанный тральщик. «Будучи на Дальнем Востоке по делам, Георгий Павлович договорился с моряками, и они подарили ему боевой корабль. Но как довести его на Урал? Генерал обратился за помощью к железнодорожникам, рассказал им – зачем и для кого. Те согласились, поместили корабль на трех платформах и привезли в Снежинск».

Времени жизни не хватает. Ломинский не успел, например, построить в лагере причал на несколько речных кораблей с молом и маяком в двадцать метров высотой,

как задумывал, а главное – достать, закупить по своим генеральским связям маленькую, но настоящую подводную лодку!..

В красном доме, горисполкоме...

Когда Ломинского называют «хозяином Снежинска», это недалеко от истины – в советской системе координат город, специально выстроенный под институт, целиком зависит от его руководства. Тем не менее, органы местной власти сформировались еще в 1957 году. А уже в 1961 году горисполком и Совет народных депутатов праздновали новоселье – в самом центре города, на улице Свердлова, 24.

Властям и руководству работать придется вместе и упорно. За два десятилетия «эпохи Ломинского» будет сформирована вся городская инфраструктура, Снежинск получит свои неповторимые черты и свою особую атмосферу...

Вспоминая город

История города – это далеко не набор фактов, пусть и заботливо вставленный в рамки энциклопедической статьи. Это еще и незримые ощущения, поверяющие время на вкус, характер, память. На снежинских форумах подобных воспоминаний немало – они, собственно, и создают «образ города»: подобно стихотворению. И нет особых переживаний, что советские времена будут смотреться излишне ностальгически.

А вообще, слова о «советском детстве» Снежинска стоит воспринимать буквально – город и вправду рос не по дням...

Острые на язычок

Снежинск строился и обустроивался стремительно. Новые микрорайоны – что в 1960-х годах, что в 1980-х – называли, не мудрствуя лукаво и по ходу строительства: 1-й микрорайон, 5-й, 10-й, 20-й. Кстати, первые девятиэтажки появились еще в 1972 году, и с тех пор город стал гордо расти ввысь.

Но безымянными микрорайоны оставались недолго – жителям было скучно без имени. Так, к примеру, появились «Три поросенка» – три дома, вокруг которых по окончании строительства грязь была непролазная. Грязи этой уже давно нет, а вот Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф остались. Остался и район «Голодаевка», где сначала во всей округе не было ни одного продуктового магазина.

Занятная история произошла с микрорайоном «Лыковка». В начале 1980-х годов в Сибири случайно в глубокой тайге обнаружили хутор с семьей староверов Лыковых, которые жили при свечах и знать не знали о достижениях цивилизации, о том, что была война, что человечество изобрело телевидение и вышло в космос. Новый микрорайон, по мнению жителей, оказался «слишком далеко» от города, от цивилизации – название подошло само собой.

Свои истории с острыми поименованиями были и за городом. Например, сады, что на высоком пригорке по правую руку от дороги с М-5, в свое время окрестили «Горой дураков» – там не было воды, и ее приходилось возить из города. Позднее, правда, пробурили скважины, и грунтовые воды оказались богатыми и обильными. Попробовали переименовать сады в «Поле чудес» – пока плохо прививается...

Город образцового быта

Когда-то в советские годы такие таблички можно было увидеть на стенах домов или дверях подъездов. Но чтобы целый город... Именно таким и воспринимался Снежинск среди десяти закрытых городов Минсредмаша.

Всё началось еще в 1958 году, когда при горисполкоме был организован коммунальный отдел, вобравший в себя «тысячу мелочей» ежедневного городского быта. Появились парикмахерские, мастерские по пошиву одежды, две мастерские «точили сапоги», одна – занималась ремонтом часов.

Дальше – больше. В городе образовался настоящий комбинат бытового обслуживания с фотоате-

лье, мастерской по ремонту автотранспорта (автомобили, кстати, всегда были неотъемлемой частью Снежинска, и сегодня их разнообразие поражает воображение), мастерской по ремонту бытовой техники и мебели, химчисткой и прокатом.

Впрочем, революция в сфере услуг произойдет летом 1978 года – именно тогда откроется большой и просторный Дом быта. А в начале 1980-х годов в городе стали возводить еще один знаковый объект сферы услуг, своего рода визитную карточку города – гостиницу ВНИИТФ на 140 мест. Назвали как и подобает – «Снежинка».

Поход по магазинам

Комфортный быт города формирует торговля. Ни для кого не секрет, что закрытые города снабжались в советские годы просто идеально, за что их жители даже получили прозвище «шоколадников». Конечно, сегодняшние «бездефицитные времена» нивелировали всех – были бы деньги... Но хорошо торговать нужно уметь в любую эпоху.

Снежинцы вспоминали особенности своего «шопинга». Так, набрав в каком-нибудь магазине пакет с продуктами, они оставляли его здесь же, а сами шли в следующий магазин – например, за бытовой химией. На обратной дороге оставленные пакеты собирали. Говорят, что никто ни разу ничего не украл.

«Торговая сказка» в Снежинске достигла своей кульминации в 1970-х годах. Нет, до этого строились магазины – та же «Радуга» или «Огонек». Но именно в брежневскую эпоху город словно прорвало на строительство «торгово-общественных центров». В канун Нового 1970 года открылся «Юбилейный», еще через три года – «Солнечный», затем – «Дружба». Наконец, в 1980 году появился торговый центр «Синара».

Банный день

«В солдатской жизни баня – главное удовольствие», – говорила

когда-то героиня знаменитого фильма. Для жизни строящегося города вопрос о помывке был одним из животрепещущих. Поэтому в феврале 1960 года, когда открылась первая городская баня, на торжественное событие вышел чуть ли не весь город.

Затем в памяти горожан надолго останутся солдатские банные дни – по понедельникам. Коробка солдат обычно шла или по улице Васильева, или по улице 40 лет Октября.

– На моей памяти они всегда ходили в ногу, – рассказывают на городском форуме. – Иногда оставались по команде и маршировали на месте. И песни громко пели: «На нас надеется Отчизна, вперед за мир, вперед за труд, вперед за дело коммунизма...» По вечерам, когда детей начинали готовить ко сну, шли уже не в ногу и песню выбирали поспокойнее: «Когда поют солдаты, спокойно дети спят...»

Кстати, сегодняшний большой комплекс «Снежинские бани» вполне может претендовать на главную «житейскую достопримечательность» города.

Время на вкус

Небольшой город оказался богат на «вкусные воспоминания» – благо, в Снежинске к местам, где можно перекусить или отдохнуть, относились с должным вниманием.

Повзрослевшие сегодня дети вспоминают, к примеру, кулинарию «Заря», где всегда было много народа и продавалось вкусное пирожное. Притягивала и кондитерская при ресторане «Малахит», где можно было купить модный в те годы торт «Прага». В гастрономах

Кафе «Заря».

нескрываемым детским уважением пользовались отделы «Соки-воды» с длинными стеклянными сосудами с дозаторами на конце и с томатным соком за 7 копеек за граненый стакан. Завораживали и взбитые молочные коктейли с мороженым и большой шапкой пены.

Для взрослых тоже были свои развлечения – например, чебуречная у того же ресторана «Малахит». Молодых специалистов и работников, получивших первую зарплату, было принято «проверять на коньячок» – «чтобы слеза не накатила». Таким местом проверки было небольшое кафе у леса за столовой «Березка», и тоже со своим народным названием: «Подберезовик»...

«Из всех искусств для нас важнейшим...»

Можно сказать, что кино в Снежинске появилось одновременно с городом, если к 1965 году уже насчитывалось 5 киноустановок, размещенных на разных городских площадках. Но первые сеансы в памяти зацепились. Например, экран могли устанавливать прямо на берегу озера, и фильм можно было смотреть из окон первых домов на улице 40 лет Октября.

Затем был летний кинотеатр – тоже на берегу, где сейчас Снежинская спасательная станция. Кинотеатр представлял собой сколоченную деревянную конструкцию с экраном, на которую постоянно забиралась мальчишка, готовые пусть и вверх ногами, но смотреть кино. Посередине фильма кто-нибудь обязательно «пикировал» вниз.

На Новый 1959 год, 1 января, открылся первый, большой и солидный, кинотеатр «Космос». Это

Кинотеатр «Космос».

была первая комсомольская стройка города. Вечерний сеанс в «Космосе», кстати, начинался в 18 часов 10 минут – чтобы зрители успели добежать с работы и купить билет. Жертвовать приходилось лишь киножурналом, который шел перед началом показа...

Прогулки по «Бродвею»

А вот к городскому парку пришли не сразу. Излюбленным и популярным местом для гуляния оставалась всё та же улица 40 лет Октября, которую в обиходе называли «Бродвеем». Затем на берегу Синары молодежь построила стадион «Комсомолец», танцевальную площадку и небольшой клуб «Темп».

Официальным рождением парка считают июнь 1961 года, и не по причине «строительства какого-либо объекта» – просто сама идея вызрела в головах, налилась соком. Воплотить ее в жизнь уже не составляло труда – в будущем парке всё чаще стали проходить вечера отдыха, «капустники», поэтические встречи, водные праздники. Зимой заливался каток, над которым висели прожектора, и снег искрился под их лучами. Естественно, выдавались на прокат коньки и лыжи.

Позднее парк разросся: появились качели лодочкой и карусели с петушком на крыше. Будет даже свое колесо обозрения, «сюрпризы» и «ромашки» и первый зал игровых автоматов со знаменитым «Морским боем», в который играла вся советская детвора.

Дворец для души

Человеку нужен творческий непокой – без этого жизнь кажется серой и пресной...

Строительство ДК «Октябрь».

Осенью 1965 года сняли леса с дворца культуры «Октябрь», что расположился на центральной площади города. Мало кто сомневался, что это место станет праздничным и культурным центром Снежинска – День завода, юбилей подразделений института, выпускные балы, новогодние елки, всевозможные фестивали мгновенно «прописались» в новом ДК. С момента рождения в нем появились духовой оркестр и народный хор, театральная и балетная студии, вокальные и эстрадные ансамбли.

Кстати, в стенах дворца выступали многие известные артисты театра и кино: В.Тихонов, Л.Голубкина, А.Джигарханян, В.Лановой, Н.Усатова, А.Калягин, М.Вертинская...

А еще через два года был сдан Дом пионеров. Он вышел достаточно солидным: ежедневно в нем могло заниматься более восьмисот ребятшек, а театральные зал вмещал 400 зрителей.

«Снежинская диаспора»

Хорошее образование снежинцы ценили всегда и, как говорится, ни в чем себе не отказывали. В небольшом городе было открыто 8 общеобразовательных школ, две коррекционные, более 20 дошкольных учреждений.

То же касалось и библиотек. Первую открыли еще в 1959 году в небольшом щитовом домике – правда, приобретение книг финансировал институт, привозя их в основном из Москвы или Новосибирска. Затем специально под городскую библиотеку построили двухэтажное здание: «с запасом» на 300 тысяч томов. Следом появятся филиалы в различных районах города, а в 1987 году откроется новое здание Центральной детской библиотеки.

Стоит ли удивляться, что Снежинск стабильно держит верхнюю планку среди выпускников школ по числу золотых медалей. Как-то в разговоре с местными журналистами прозвучало: в Снежинске проводится «секретная демографическая политика». Условия для жизни, образования и развития

таковы, что просто невозможно не рожать «быстрых разумом Невтонов». Говорят, что в МГУ и других ведущих технических вузах страны давно сложилась своего рода «снежинская диаспора» – выпускники уверенно проходят все самые сложные вступительные экзамены.

Тарасовский МИФИ

К слову, к идее своего вуза в Снежинске пришли довольно быстро. Потребность в квалифицированных кадрах росла в геометрической прогрессии. В 1958 году Минсредмаш дал согласие на открытие в городе вечернего филиала Московского инженерно-физического института. Так в городе появится новая аббревиатура: МИФИ-6.

Сначала под филиал выделили 5 классных комнат в первой снежинской школе № 124. В подвале разместилась небольшая станочная мастерская. Преподавали в вузе сотрудники ВНИИТФ по совместительству. Летом 1961 года состоялся первый выпуск – из семи человек.

Рассвет МИФИ-6 будет связан с именем Николая Михайловича Тарасова, который посвятит ему три десятилетия своей жизни. Тарасов сумеет превратить вечерний институт в прекрасно оснащенное и достаточно авторитетное высшее учебное заведение – кстати, одно из лучших в системе Минатома...

Пером и смычком

«Личность ищет гармонии» – это и определяет желание «физика» оставаться «лириком».

Ветер судьбы непредсказуем – иначе трудно объяснить, как на берегах Синары оказался Иван Антощенко, художник с Дальнего Востока, автор Колымских офортов, влюбленный в Крайний Север. Ему было чуть больше тридцати лет, когда он стал главным художником Снежинска и открыл в городе свою мастерскую.

С тех пор Урал прочно войдет в его рисунки, а в его жизнь – дети, для которых в 1982 году он создаст

И.Антощенко.

настоящую художественную школу, пусть и арендовавшую несколько лет классы в школе рабочей молодежи. К слову, «живописный характер» снежинского мышления чувствовали многие, кто бывал в этом городе. Да и ведущие ученые института зачастую не могли отказать себе в карандаше и мольберте.

Не смогут отказать и в музыке. Парадоксально, но город еще не справил свое первое новоселье, а детская музыкальная школа на Сунгуле уже появилась – в одном из коттеджей, куда привезли настоящее фортепиано, скрипки, баяны. В 1983 году любовь к музыке обретет свои законченные очертания – по улице Ленина на лесных холмах будет построено новое здание музыкальной школы с большим концертным залом. Перед школой – памятник П.И.Чайковскому...

Перепутанный Ленин

О снежинских памятниках или мемориальных досках, которых в городе более шестидесяти, можно рассказывать много. Но есть истории, которые так и просятся на бумагу.

На центральной площади Снежинска, как и в любом другом советском городе, на постаменте – В.И.Ленин. Памятник работы скульптора И.Бродского и архитектора Сыромятникова выглядит внушительно, и кажется, что не слишком подходит для небольшой городской площади.

А он действительно не подходил. Как рассказывают ветераны, на заводе, где Ленин отливался в бронзе, одновременно работали над изготовлением памятника для закрытого Томска-7, где и площадь просторнее, и масштабы весомее. Когда в 1970 году памятник прибыл на Урал, выяснилось, что снежинцы получили не свой заказ. Но не меняться же! Так и установили памятник у себя...

Курчатов работы Гилева

Зато памятник И.В.Курчатову был уникальным, своим, близким, в Снежинске рожденным. В самом городе этот памятник не увидишь – он расположен на территории 20-й промышленной площадки. В этом был свой, хотя и не слишком понятный резон: установление скульптуры Курчатова непосредственно в городе намекало бы о направленности работ...

Своим, близким, родным был и автор памятника – скульптор Александр Семенович Гилёв, всю жизнь проживший в соседних Каслях и ставший легендой этого города. Слесарь, чеканщик, лепщик, мастер по скульптуре, он был продолжением традиций легендарных каслинских мастеров-литейщиков. Не очень высокий, коренастый, с

Памятник И.В.Курчатову.

А.С.Гилев.

большими сильными руками, Гилев, как рассказывает о нем Б.В.Литвинов, буквально излучал и доброту, и силу характера.

В Снежинск Гилева привел физик, профессор, его близкий друг Юрий Аронович Зысин. Они вместе и начнут работу над Курчатовым...

– Пока возводился памятник, Гилев с Зысиным дневали и ночевали возле него, – вспоминает Б.В.Литвинов. – Место под памятник было выбрано Гилевым. По указанию Г.П.Ломинского в лесу было найдено несколько огромных камней, один из которых и был выбран под памятник. Камень с трудом приволокли на площадку, втащили на возвышенное место. На камень поставили отлитый из алюминиевого сплава пень и рядом – фигуру Курчатова. Композиция получилась на редкость естественная. Могучая фигура Курчатова, смотрящего вдаль, стала частью пейзажа. Сейчас и представить невозможно площадку без этого памятника.

Открыли памятник И.В.Курчатову в июне 1975 года...

Площадь Победы

Есть еще один памятник, который по праву памяти обязан быть в любом российском городе или селе, – памятник Великой Победе.

Удивительно, но мемориал со стелой с орденом Отечественной войны и памятником воину-победителю строили, не приурочивая ни к какой юбилейной дате – в 1987 году, когда в стране уже вовсю шла перестройка и никто не предполагал, какими последствиями она обернется. Мемориальный комплекс спланировали архитекторы В.Жуковский и С.Молодцов. А фигура солдата сделана крепкими руками всё того же Александра Семеновича Гилева.

Реконструкцию площади проведут много позднее, в 2005 году, установив «Стену славы» с именами горожан-участников войны.

1:1

«Хочешь мира – готовься к войне». В закрытых городах, работавших на оборонную промышленность, в этом никого не нужно было убеждать. «Всегда быть в форме, всегда быть готовым» – для советского «мобилизационного мышления» это являлось аксиомой.

Массовый спорт, по определению, начинается стихийно, по зову души, на энтузиазме, но вместе с тем быстро принимает организационные и вполне «военные» формы. В конце 1950-х годов в Снежинске сформировались два добровольно-спортивных общества: одно – непосредственно при институте, другое – при военных строителях. Так что «соревновательный эффект» вышел нешуточным, и спартакиады между обществами проводились каждое лето.

Тем не менее, чтобы расширить городские «спортивные возможности», требовалось объединить усилия. В 1961 году было создано единое городское добровольно-спортивное общество «Труд». И началось...

Прирученный мяч

Самым знаменитым на сегодняшний день начинанием оказалась гандбол – своего рода «спортивная визитка» Снежинска. И хотя современная команда «Сунгуль» возникла лишь в 1990 году, она произросла из весомых традиций.

Тогда, в 1961 году, инициатором и организатором команды стал Владимир Петрович Томилин, «чистый» гандболист, как его называли, практически не отвлекавшийся на другие виды спорта.

– Как ему удалось создать команду, вывести ее на республиканские соревнования в 1965 году, сложно объяснить, – рассказывают ветераны клуба. – Внешне Владимир Петрович производил впечатление флегматичного человека, но проявил тогда незаурядный организаторский талант. Его хватало на всё: и на контакты со спортивным советом, и на подготовку плана занятий, и на то, чтобы самому участвовать в них в качестве тренера и игрока, и на то, чтобы из отпуска везти для команды узлы с формой, спортивными костюмами, и на многое-многое другое...

Нам остается лишь констатировать: ручной мяч прижился в Снежинске всерьез и надолго...

Спорт как образ жизни

В том же 1961 году в Снежинске появился первый «профессиональный» городской стадион – имени Гагарина – с дворцом спорта, футбольным полем и спортплощадками, а также с водной станцией. Еще через два года, как только в городе открылся бассейн, сформировалась и специализированная спортивная школа по плаванию.

В 1968 году масла в огонь спортивной борьбы добавил организованный в самостоятельную единицу ДОСААФ – добровольное общество содействия армии, авиации и флоту. На базе ДОСААФ появился целый ряд новых спортивно-прикладных направлений: например, детская школа стрелкового спорта (когда в 1971 году выстроили крытое здание 50-метрового тира) и автомобильная секция. Кстати, в 1985 году, в честь 30-летия Великой Победы, 250 снежинцев на своих личных автомобилях совершили большой пробег по местам боевой славы.

В середине 1970-х годов жителей Снежинска буквально захлестнуло еще одно увлечение – они с

головой ушли под воду: сначала в подводную стрельбу, а затем и ориентирование. А в 1983 году весь город встал на лыжи – стартовал первый массовый лыжный марафон «Синара».

Лесные жители

Как-то в одном из снежинских садов появилось объявление: «Внимание, лоси! Закрывайте ворота!» Народ потешался двусмысленному объявлению – не то для людей, не то для лосей написано. Но доля правды здесь была основательной. Садоводам не раз приходилось встречать на участках лосей, которые мирно объедали смородину, и уговаривать лесных жителей – мол, уйди, уйди...

Лоси могли целыми семьями гулять по улицам города. «Идешь на рассвете на работу или еще куда, а он горделиво по центру дороги в лес – домой».

Встречи не всегда были безобидными – лоси не раз гонялись за теми же грибниками или ягодниками. На такой случай была инструкция – замереть и не шелухнуться, особенно осенью, когда лось плохо видит, но хорошо слышит.

Лев Феокистов рассказывал, как они вместе с Е.И. Забабахиным зачастили ходить на заимку, что была недалеко от производственной площадки, подкармливать лося. А однажды Феокистов взял с собой жену. Та набрала целую корзинку еды, подошла к животному, который мирно «разговаривал» с Евгением Ивановичем, – и сразу последовал удар по корзине.

– Еще бы чуть-чуть... – рассказывала потом Александра Ивановна на уроке своим ученикам. – Говорят, лоси почему-то не любят женщин, по голосу их, что ли, узнают...

Звери шалят...

Не были для снежинцев экзотикой и медвежьи следы. В иткульских местах медведи водятся до сих пор. В город косолапые заходили не раз – «прогуливались» в парке на берегу Синары, заглядывали на заставы к солдатам.

Но «экзотику» в институте всё же накликали. Как рассказывает Владимир Губарев, все реакторы в ядерном центре носят характерные названия: «Барс» (быстрый аperiodический реактор самогасящийся), «Ягуар» (ядерный гомогенный урановый аperiodический реактор) и так далее. А однажды на тщательно охраняемой площадке реакторов появилась рысь – самая настоящая.

«Нарушительница» вела себя спокойно, никого не боялась, что тут же вызвало панику среди солдат. А вдруг нападет на часового ночью?! О рыси немедленно сообщили научному руководителю института академику и генералу Е.И. Забабахину. Тот среагировал моментально:

– Стрелять запрещаю: зверь редкий, его беречь надо...

– А если на солдат нападет?

– Кнут найдите. Мужики в деревнях любого зверя выгоняли кнутом, разве не знаете?

Пока добывали в соседнем селе кнут, рысь исчезла. Ушла тем же путем, что и добралась сюда. Каким? – так никто и не узнал...

...и зайцы туда же

А вот с зайцами не церемонились – в округе их водилось множество, и досаждали они серьезно. Одна такая история «запраталась» в ироничных мемуарах семьи Павла Сергеевича Рязанова, работавшего в институте с 1957 года.

Был у него огород, куда повадились зайцы-русаки ходить. По весне высадил Павел Сергеич саженцы фруктовых деревьев всяких сортов и много кустов ягодников. А в начале зимы разнюхали черти окаянные сладкие веточки!

Приехал Павел Сергеич на участок обвязать лапником своих любимцев. Глядь, торчат из снега маленькие пенечки-огрызки! Так грустно стало на душе... И проснулась тут у него страсть охотника – поставил он на зайчьи тропы петли, приехал через пару дней и – удача! Сидит один в петле, окопел на морозе. Привез охотник домой трофей, освежевал и преподнес жене со словами:

– Сотвори, дорогая, жаркое в память по нашим яблоневым черенкам!..

Лодки на берегу

Места вокруг Снежинска были богатыми, радовали не только охотников. Всё вокруг было покрыто ягодами: черника, земляника, морошка, брусника. Из лесу приносили их ведрами, а лишнее сдавали в детсады. Но особое раздолье на Синаре, Сунгуле, Иткуле было для рыбаков – рассказывают, что простой удочкой за час можно было выловить по пуду рыбы.

На Синаре ближе к берегу – щука, окунь, ерш, плотва; подальше – лещ, сиг, налим, очень крупный окунь. За ним и охотились. Вдоль всего берега стояли лодки – сначала простые, деревянные, на веслах; затем у горожан стали появляться довольно мощные моторы «Вихрь». Хранили их в небольших металлических ящиках около лодок.

Вообще, с этими моторами вышло много несурезицы. С одной стороны, горожанам не запретишь, с другой – у охраны флотилия была тихходной. Вот и искали компромиссы...

Вчера, но по пять...

Но настоящей снежинской легендой стали раки. В Синаре их было очень много. Бытует легенда, что раков развели в уральских водоемах ссыльные декабристы. Это, конечно, не соответствует действительности – этап проходил мимо синарской глуши.

Как бы то ни было, раки были огромными. Самых больших называли «демидовскими». Снежинцы рассказывают, что за одну «охоту» можно было набрать большое ведро. Иногда мальчишкам, которые пропадали всё лето на берегу, родители говорили:

– Не ловите так много. Надоели...

Символично, но на излете советской эпохи, когда исчезала некогда могущественная страна, исчезли и раки – говорят, их поразила чумка...

Рыбаку дело шьют

Рыбацких историй, естественно, город хранит множество: где-то преувеличивая, где-то иронизируя. В выходные часто уходили с ночевкой, чтобы по ранней заре раскинуть снасти. Время коротали у костра. Кстати, так просто развести костер на берегу не получалось: рыбалка – рыбалкой, а режимный порядок соблюдать необходимо.

Те же Рязановы вспоминали, как однажды пошли с ночевкой, развели костер, приветили других рыбаков байки рассказывать. «Хорошо, да вроде чего-то не хватает...» И тут кто-то сказал, что в прошлом году в этом месте поллитровку зарыли. «Заволновались мужики, стали землю палками тыкать. А чтоб дело сподручнее шло, один из гостей мощный фонарь зажег и светит им туда-сюда.

В это время рядом проплывал сторожевой катер с чекистами, которые и увидели подозрительные огни. Причалили, спрашивают:

– Кто такие? Чем занимаетесь?

– А вам какое дело? – полез на рожон один из рыбаков.

– Ах, так! Взять его! – отдал офицер приказ солдатам.

Обхватил рыбак сосну и орет на весь лес:

– Товарищи! Провокация! Свидетелями будете! Рыбаку-туристу дело шьют!..

Не помогло – погрузили на катер и увезли в отдел...

Граница под озером

О своей «секретности» снежинцы могут рассказывать долго. Границу города, периметр охраняли идеально четко, в том числе и по озеру Синара. Оно вообще прослыло «волшебным»: за несколько десятилетий никому не удавалось приплыть с «того» берега на «этот» и наоборот.

Рассказывают, что на середине озера нельзя нырять с лодки и купаться – можно наткнуться на ключую проволоку, которая проходила по дну и служила защитой от непрошенных подводников. Зимой границу озера просвечивали мощ-

ными прожекторами, которые «переводили» в исходное состояние по небу, освещая облака – зрелище было впечатляющее. Правда, потом запретили так переводить луч прожектора.

Опасались и тумана, в котором можно было заблудиться и пересечь границу – у часовых было право стрелять на поражение при неподчинении.

Даже мелочи могли обернуться большими неприятностями. Например, в городе одно время большой популярностью пользовался авиамодельный спорт. Планеры обычно испытывали на футбольном поле стадиона имени Гагарина. Однажды зрители замерли: сильный порыв ветра подхватил один из планеров и понес его в сторону Синары. Пересеки планер границу – и «чекистское дело» было бы заведено. К счастью, модель врезалась в осветительную ферму и не покинула стадион...

На совести секретносителей

Работы по установке границ запретной зоны начались с момента создания города – с 1955 года. Поначалу охрану вели два взвода отдельной комендатуры, затем – отдельный батальон внутренней охраны, пока, наконец, не оформилась полновесная войсковая часть.

Секретность была фантастической. Инструкции на этот счет составлялись подробные – например, даже на своих рабочих местах сотрудники института обязывались переворачивать или закрывать тетрадь, если к столу подходил кто-то другой.

– Конечно, секретность осложняла жизнь, – говорит академик Е.Н.Аврорин. – Надо было постоянно думать о том, чтобы не забыть какую-нибудь бумажку, не говорить о своей работе, не проболтаться. Да и просто житейские неудобства она доставляла немалые. Скажем, неизвестно, кем надо было представляться во внешнем мире. Попробуйте ответить на простой вопрос: где работаете? Легенды были, но часто нелепые... Однажды я ехал в командировку, и у меня были документы от четырех орга-

Е.Н.Аврорин.

низаций. Отсюда уезжал – два документа, в Москве – третий, а на полигон – четвертый... Если бы попал в милицию, то меня, безусловно, обвинили бы в шпионаже...

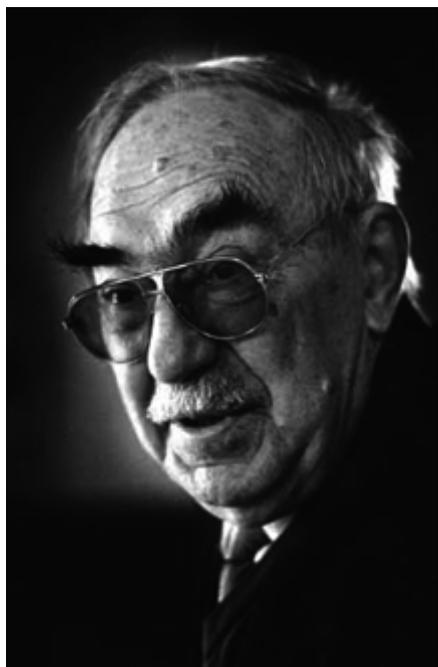
Без срока давности

И тем не менее, такая «диспозиция» была максимально оправдана. Более того, она необходима и сейчас, и даже в многократно усовершенствованном виде. Это очень просто и наглядно объяснил всё тот же Е.Н.Аврорин:

– Никаких «откровенностей» в специальных областях быть не может! Секретность была, есть и должна быть. Я убежден, что устройство даже первой атомной бомбы должно оставаться столь же секретным, как и в то время, когда она создавалась. «Срока давности» нет. Старый пистолет может и сегодня использоваться для убийства, старая атомная бомба способна принести такую же беду, как в августе 1945-го...

Академик Аврорин

О самом Евгении Николаевиче можно рассказывать много. 23-летний выпускник Московского университета, успевший год проработать в Сарове, он приехал на Урал в 1955 году и вместе с другими мо-

Б.В.Литвинов.

лодыми учеными погрузился в расчетную разработку ядерных зарядов. Затем будет масса «увлечений» – изучение физических процессов в экстремальных условиях и лазерного термоядерного синтеза, разработка «чистых» ядерных зарядов за счет горения дейтерия и зарядов для промышленного применения.

Е.Н.Аврорин станет научным руководителем ВНИИТФ в 1985 году – как раз в самый канун «начала конца» Советского Союза и тяжелейших, противоречивых преобразований.

Орден за диплом

Журналист и писатель Владимир Губарев словно по наитию подготовил однажды совместное интервью и спаял, как узлы из урана, двух академиков, двух друзей – Аврорина и Литвинова. Они вместе стояли у истоков института, вместе разрабатывали ядерные заряды – и вместе будут «разгрести» пореформенный развал советской эпохи.

В 2011 году, когда открывали памятник Б.В.Литвинову, Бориса Васильевича называли легендой ядерного центра. Это полностью оправдано – несколько сотен изделий пройдут через его руки.

Судьба Литвинова – судьба мальчишки военного времени, за-

ставшего приближающийся гул канонады в Симферополе и вкусившего в эвакуации степную пыль Северного Казахстана. В 1944 году, возвращаясь с матерью домой, он пройдет по улицам Сталинграда – не просто разрушенным, а истолченным в пудру, оплавленным: такую землю он увидит только на ядерных полигонах. Может быть, это предопределило выбор – в 1947 году Литвинов уезжает в Москву, в механический институт, будущий МИФИ.

С талантливым студентом происходят удивительные вещи. В 1951 году, к примеру, он попадает на практику... к самому И.В.Курчатову на химкомбинат «Маяк». Затем – к Ю.Б.Харитону в Саров, где напишет дипломную работу по газодинамике. Напишет так, что дипломный проект буквально выхватят из рук – исследование студента просто идеально вписалось в конструкцию термоядерной бомбы. Помимо отличной оценки, Литвинов получит за нее свой первый орден – Трудового Красного Знамени.

Главный конструктор

В 1961 году произойдет новый поворот. К этому времени Б.В.Литвинов обосновался в Сарове, успешно работает; у него семья, удобный коттедж, множество идей в голове.

И вдруг его, беспартийного, вызывают в ЦК и предлагают переехать на Урал. Позднее рассказывал, что ехать на новое место, честно говоря, не хотелось, но и отказаться было невозможно. Смутила и невероятно высокая должность – главный конструктор нового ядерного центра.

– Конечно, я не был готов к такой работе, – говорит Борис Васильевич. – В сущности, только лет через десять я стал главным конструктором.

И будет им очень долго – до 1997 года...

В перестроечной эйфории

Вторая половина 1980-х годов вышла бурной – благодаря пере-

стройке, затеянной Михаилом Горбачевым – и во многом абсурдной. Воздух свободы пьянил, страна рассекречивалась, Снежинск впервые встречал гостей – физиков из Америки, в том числе и «отца водородной бомбы» Эдварда Теллера.

Определенная логика в столь тесных контактах была. Не только среди ученых, но и в головах политиков выкристаллизовалась мысль, что в мире накоплено критическое количество ядерных зарядов, что необходим взаимный контроль за испытаниями и распространением оружия. Тот же Б.В.Литвинов был убежденным сторонником нераспространения ядерного оружия и выступил техническим экспертом от России при подготовке соответствующего договора. А в 1988 году под его руководством был осуществлен и большой комплекс работ по взаимному контролю за мощностью подземных ядерных испытаний на полигонах в Неваде и Семипалатинске.

Именно с испытаниями и сложится абсурдная ситуация.

Зависший заряд

Еще в 1986 году произойдет «заятный» случай. На Семипалатинский полигон привезли очередное снежинское изделие, опустили в глубокую стометровую штольню, подготовили к взрыву, забетонировали и уже почти запустили таймер, как неожиданно пришел приказ остановить испытание. Суть в том, что в это время в Рейкьявике Михаил Горбачев на встрече с Рональдом Рейганом в порыве избавить человечество от ядерной угрозы объявил об одностороннем моратории Союза на любые ядерные испытания.

Заряд завис – в прямом смысле этого слова: извлечь его категорически невозможно и подрывать нельзя. Только охранять и контролировать его «поведение». Тогда и не предполагали, что охрана и контроль растянется почти на десятилетие, что за это время развалится Союз, а Семипалатинский полигон отойдет к теперь уже суверенному Казахстану. Лишь после дол-

гих согласований с США и другими странами изделие разрешили взорвать – и оно сработало без сучка и задоринки.

Кстати, этому зависшему заряду атомщики дали едкое имя – по аналогии с известными конфетами «Мишка на Севере» назвали его «Мишкой в Рейкьявике»...

Полигоны на замке

«В атомной бомбе заключена практически вся физика», – убежден академик Е.Н.Аврорин. Познать уникальные физические процессы без «полевых» работ невозможно. Именно поэтому мораторий на ядерные испытания физики-атомщики восприняли крайне болезненно.

– Без испытаний, можно сказать, как оружейщики, мы перестанем существовать, – говорил Б.В.Литвинов. – Представьте себе, что у разработчиков самолетов исчезла возможность поднимать их в воздух. Разве они могут конструировать авиалайнеры, не летая? Вот и нам, чтобы понять физику процессов ядерных реакций, нужно воспроизвести взрыв.

Тем не менее, аргументы ученых политики не услышали. В 1988 году ВНИИТФ произвел свой последний мирный ядерный взрыв. Еще через два года «отстрелялся» и институт в Сарове. Односторонние моратории на ядерные испытания, безусловно, нарушили традиционную схему аттестации изделий. Итоговый крест на полигонных испытаниях поставит подписанный в 1996 году договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний...

Новое «инертное вещество»

Б.В.Литвинов рассказывал, как был поражен точной мыслью Эдварда Теллера во время его приезда в Снежинск в 1994 году. Теллер сказал, что «открыл самое инертное вещество: человеческий мозг. Инертнее его только куча человеческих мозгов...» – особенно, когда она складывается в стереотипы.

После чернобыльской катастрофы, и затем, на рубеже 1980–90 го-

дов по стране прокатилась настоящая истерика, имя которой – радиофобия. «Ядерных взрывов стали бояться пуще чумы, – писал Б.В.Литвинов. – Всё запретить, всё прекратить, заряды разобрать, ядерщиков посадить... «Разоблачения» нашей «преступной» деятельности сопровождались ложью о якобы баснословных зарплатах, снабжении, строительстве и т.п. Как же тут не возненавидеть нас?!»

Главный конструктор и не надеялся, что после такого тотального радиофобского шквала удастся быстро изменить отношение к атомщикам. К тому же понимал – когда речь идет о сложных вещах или системах, тем более неочевидных, очень трудно объяснить, почему они нужны...

Тема для Брюса Уиллиса

Хотя однажды это удалось сделать – с помощью Голливуда – и «пожертвовать» актером Брюсом Уиллисом, который под плач зрителей направлял свой космический корабль с ядерным зарядом в каменные складки приближающегося к Земле астероида.

Между тем, идея эта далеко не фантастическая и с начала 1990-х годов физиков-ядерщиков волнует всерьез. Первая крупная конференция по защите от астероидов, в которой приняли участие и снежинцы, прошла в январе 1993 года в Калифорнии. В терминологический обиход даже вошла специальная аббревиатура – ОКО – опасный космический объект. А затем пошли конкретные разработки.

Термоядерные снежинские заряды для разрушения астероидов,

Б.В.Литвинов и В.П.Макеев.

а также для создания новых веществ в космосе, по мысли конструкторов, вполне могут устанавливаться на миасские ракеты. В КБ имени Макеева над этой проблематикой тоже работали – в итоге из космических замыслов сложилась одна из самых совершенных баллистических ракет последнего поколения: «Синева».

Взрывная энергетика

Другой и вполне земной темой стала возможность ядерного взрыва... в энергетике.

Это звучит как минимум странно. Сказывается «привычка» к тепловым реакторам, которые размещены повсеместно; говорится опыт по созданию реакторов на быстрых нейтронах с практически неиссякаемой ресурсной базой. И вдруг – взрыв.

– Однозначно заявляю: можно сделать любое промышленное применение ядерных взрывных технологий, – говорит Б.В.Литвинов. – И при этом радиоактивный фон будет оставаться на уровне естественной радиоактивности. Поэтому взрывная ядерная энергетика реальна, и ей практически нет альтернатив.

Суть идеи проста и изящна – вместо того чтобы тратить колоссальные средства на крайне небезопасную операцию демонтажа боевых термоядерных припасов, их можно просто взрывать в специальных подземных «котлах», а полученную тепловую энергию передавать паровым турбинам по обычной схеме.

К слову, взрывная дейтериевая энергетика как направление работы ВНИИТФ появилась еще в 1966 году, когда вышел секретный отчет по этой теме. Также институтом было разработано несколько вариантов чистых дейтериевых зарядов. Правда, потребовалось три с половиной десятилетия, чтобы тот отчет стал достоянием мировой энергетической мысли.

Улица Нечая

Это небольшая улочка в снежинских новостройках – всего не-

В.З.Нечай.

сколько домов и огромная 135-я школа, строительство которой затеяли с размахом в тучные оффшорные 2000-е годы и с трудом продолжают сегодня. Парадоксы времени, однако. Иногда они стоят людям жизни...

На свое первое испытание Владимир Зиновьевич Нечай попал в 1961 году; там, в Семипалатинске, родилась его «профессорская» тема, в которой он оказался первопроходцем – исследование рентгеновского излучения ядерного взрыва. Затем будут ключевые работы по высотным взрывам и зарядам высокой удельной мощности; а главное – эксперименты по повышению стойкости отечественных боеприпасов к средствам противоракетной обороны.

Вспоминают, как однажды ему пришлось несколько суток провести без сна – в 1975 году, на Новой Земле, где «натурно обкатывались» его идеи по стойкости заряда. Волнение ученого было вознаграждено – воплощено в легендарном ракетном комплексе СС-20, «Сатана». Еще один комплекс, который впитал идеи Нечая, на сегодняшний день считается вершиной ядерного ракетостроения, ключевым ответом России на развертывание американской системы противоракетной обороны – знаменитая «Булава».

Скверное время

В.З.Нечай возглавит ВНИИТФ в 1988 году, будет первым демо-

кратически избранным директором института. Увы, в самое «неподходящее» для этого время, когда ядерная программа Советского Союза сжималась, как шагреновая кожа.

В начале 1990-х годов Снежинск, целиком зависевший от оборонного заказа, провалился в кромешный ад. «То, что происходило с наукоемкой промышленностью и взрывоопасной ядерной отраслью, было похоже на сон разума, – вспоминают ветераны института. – Люди, жизнь свою положившие на безопасность страны, оказались брошены страной на произвол, месяцами не получали зарплату, перешли на карточную систему, не могли отправить детей отдыхать, падали в голодные обмороки на рабочих местах».

– Но главная беда в другом, – пояснял Лев Феоктистов. – Вот существовало общество, государство, поддерживало ядерные исследования. И вдруг всё это рушится, объявляется ненужным. Люди потеряли путеводную нить – они не знают, для чего теперь существуют...

Владимир Нечай, избранный всем коллективом, ничем коллективу помочь не мог...

Роковой выстрел

Конечно, он не сидел на месте. Каждая поездка в Москву оборачивалась тяжелыми встречами с людьми, которые словно разучились слышать. «Нам нужна помощь государства на три или четыре года, – писал он высшему руководству страны. – Потом мы вернем всё. Открывать двери иностранным инвесторам, да и российским частникам без гарантий безопасности рискованно».

В ответ кивали головой – и ничего не предпринимали. «Владимир Нечай из ученого превратился в жалкого просителя, – вспоминают в институте. – Но обычно возвращался с пустыми руками, а в приемной его ждали яростные депутаты женщин с детьми». После очередной бесплодной поездки в Москву, осенью 1996 года, он не выдержал и достал пистолет. В по-

смертной записке написал: «Прошу провести поминки за счет не выданной мне зарплаты...»

Выстрел в Снежинске потряс всю Россию. Таким трагическим способом Владимир Зиновьевич напомнил власти, что в небольшом городке Снежинске впроголодь живут люди, которые обеспечивают безопасность страны. С этого выстрела начнется «возвращение» ядерного центра.

Тихие аллеи

Отношение горожан к своей исторической памяти вернее всего определить... по кладбищу. Оно в Снежинске появилось в 1958 году, и первым на нем был похоронен заместитель главного конструктора В.Ф.Гречишников, умерший от разрыва сердца.

Церемония прощания была простой и грустно-торжественной. Обычно, гроб с умершим ставили возле подъезда, чтобы все соседи могли проститься. Часто церемония прощания проходила в фойе клуба «Темп». Затем гроб с покойным водружали на грузовой «ЗИЛ», открывали все борта машины, обтянутые красным полотном, и медленно везли по главной улице.

Кладбище в Снежинске очень ухоженное, аккуратное, хорошо спланированное. У входа – небольшая часовня (в самом городе храма пока нет). Среди сосен – широкие проезды и тротуары, многочисленные фонари и скамейки. Людям ушедших эпох, полагаю здесь хорошо...

Памятные чтения

Еще одна особенность интеллектуальных закрытых городов – это любовь к науке, сопряженная с памятью о тех, кто внес в нее особенный вклад. Что в Сарове, что в Снежинске еще в перестроечные годы прошли первые научные конференции: Харитоновские и Забабахинские чтения. В Снежинске первые чтения провели в 1987 году – Евгению Ивановичу Забабахину исполнилось бы 70 лет.

Чтения вызвали большой интерес как у российских, так и у зару-

бежных ученых и очень быстро набрали академический вес. Кстати, отмечают, что Забабахинские чтения отличаются молодым составом участников, четкой направленностью и хорошей организацией. Добавляли впечатлений необычайно живописные места и гостеприимство снежинцев.

Научное мышление пленяет и детей – в городе проводятся, к примеру, Литвиновские чтения, на которых учащиеся выступают со своими докладами.

Ключи от бомбы и талоны на хлеб

Конец советской эпохи и стремительно навязчивые перемены потребовали заняться еще одним делом. Чтобы не растерять, не разбазарить то, что было накоплено за десятилетия, по инициативе Александра Дмитриевича Захаренкова, работавшего в институте с момента его основания и ставшего заместителем министра среднего машиностроения, во ВНИИТФ был организован музей.

Поначалу музей с макетами зарядов и боеприпасов являлся секретным – доступ был крайне ограничен. Лишь в начале 1990-х годов стараниями В.З.Нечая была выделена несекретная часть экспонатов для показа. Одновременно с музеем института был образован и городской музей – с его «привычными» экспонатами по природе родного края, экспозицией истории строительства города.

На сломе эпох, пожалуй, символичнее всего «объединились» два экспоната. Первый – знаменитые ключи Г.П.Ломинского от бомб. Перед взрывом бомбу устанавливали в специальной башне и закрывали ее на замок. Ключи забирал тот, кто уходил перед взрывом последним. Георгий Павлович много лет хранил эти реликвии: два ключа от первой атомной бомбы и первой водородной, а затем передал их в музей ядерного оружия.

Второй – листок обычной бумаги, на котором напечатано: «Хлебобулочные изделия. Февраль 1992 год». И ниже – 29 клеточек, по числу дней. Одни отрезаны, другие

просто зачеркнуты. Почти военная хлебная карточка – сотрудникам института, когда не выплачивалась зарплата, выдавали по буханке хлеба в день...

Путинский приезд

Безвременье не может длиться долго, хотя «лихое десятилетие» для истории молодого города и института – срок значительный. У позитивного перелома будет своя дата – 31 марта 2000 года.

Помимо официальных протоколов и стенограмм, она «зафиксирована» в книге почетных гостей музея ядерного оружия. «Самая большая опасность, перед которой стоит Россия и весь мир, – нарушение баланса сил. Ценой огромных усилий и жертв Советскому Союзу удалось добыть равновесие. Огромная заслуга в этом вашего коллектива. Вместе мы обязаны не только сохранить имеющиеся достижения, но и добиться новых успехов. С надеждой и любовью, В.Путин...»

Этот автограф был оставлен после выездного совещания коллегии Минатома России – совещания, можно сказать, судьбоносного, которое послужило толчком к возобновлению оборонных программ, активизации разработок, выделению средств, расширению тематических задач ВНИИТФ.

Ответственность за их выполнение теперь лежала на Георгии Николаевиче Рыкованове. Выпускник МИФИ, физик-теоретик,

Г.Н.Рыкованов.

ведущий специалист по детонации и термоядерному синтезу, он возглавил институт в 1998 году.

Тряхнуть «Булавою»

– Безусловно, главным для института останется ядерное оружие, – говорит Г.Н.Рыкованов. – Это та самая работа, которая скрепляет все структуры института. Без оружия он как единое целое существовать не может.

В 1990-е годы основной упор, за отсутствием госзаказов, был сделан на безопасность ядерных зарядов, на гарантийный надзор за их «поведением». За ядерным изделием – и это совершенно правильно – нужно ходить, как за ребенком: с первого до последнего дня. Вот только научные амбиции института такая работа не удовлетворяла.

Новую жизнь вдохнул заказ на разработку ядерного заряда для «Булавы», межконтинентальной баллистической ракеты морского базирования, которая сегодня только встает на вооружение. Работа по ней началась в 2000 году – требовалось создать заряд с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Кстати, чтобы получить этот заказ, ВНИИТФ пришлось участвовать в специально организованном конкурсе.

Просвечивая насквозь

Новое рыночное время показало: «нельзя все яйца складывать в одну корзину». Конверсионные программы входили в жизнь института. Первой идеей стало использование ядерных технологий в медицине – при лечении онкологических заболеваний.

Суть в том, что раковые клетки можно побеждать с помощью нейтронной терапии. На базе института как раз располагался уникальный и единственный в стране нейтронный генератор. Его и решено было задействовать. Подготовительные работы по созданию центра нейтронной терапии длились долго – катастрофически не хватало средств. Последний компонент, запустивший центр в эксплуатацию, был предоставлен ВНИИТФ

– 1 грамм трития из внутренних резервов института стоимостью 25 тысяч долларов. Вскоре центр, работавший в тесной связке с Челябинским областным онкодиспансером, принял первых пациентов. Была и интересная работа по созданию первого отечественного компьютерного томографа, который появился в конце 1999 года.

Кроме медицины, одно время институт с азартом занялся оптоволокном. Но мировая практика показала бесперспективность этого направления. Сегодня ВНИИТФ занят производством изотопов и препаратов для ядерной медицины, гетероструктур для светоизлучающих диодов и энергоустановок для твердооксидных топливных элементов.

Открытый закрытый город

Французы правильно говорят: «Всё, что моложе 50 лет, – не история, а современность». Она живет в новостных лентах, она меняется в оценках, она противоречива и непосредственна, ее невозможно «объективно» пересказать. Разве лишь беглыми штрихами.

В Снежинске, к примеру, определились со статусом города. Одно время, на рубеже 1980–90-х годов, многие горожане активно выступали за то, чтобы открыть город. Это было целое поветрие в городском мышлении, да и воздух свободы пьянил.

Однако вместе с ним в город пришли социальные болезни: появились свои алкоголики, бомжи, наркоманы, брошенные дети, преступники. Пришлось забыть, оставить в прошлом столь любимые непосредственные записки в дверях квартир – мол, «ключ под ковриком, еда в холодильнике». Потребовалось всего несколько лет, чтобы вновь утвердиться в мысли о закрытом статусе, подчиняясь инстинкту самосохранения, чувству защищенности и здравому смыслу ответственности за ядерные технологии.

Снежинские родники

Но перемены в мировоззрении всё же произошли, и на этот счет

есть одна маленькая, но показательная история.

Говорят, что «наука с верой плохо уживается». Это на бытовом уровне – а на молекулярном всё совсем иначе...

Как-то на берегу Синары в Раскурихе нашли новый родник, облагородили его, дали имя «Мария» и даже повесили над ним соответствующую икону. «К роднику началось паломничество. Но нашлись недовольные, которые икону регулярно сбивали. А однажды вообще варварски срубил» четыре ольхи, перегородив и обезобразив подход к роднику. Это было показано снежинским телевидением. Увидев передачу, местный батюшка отец Евгений по всем правилам провел обряд освящения родника – с крестным ходом, хоругвями, песнопением, кадилом». Теперь вода в роднике святая, и икона Марии на месте.

Возвращаясь к православным истокам, снежинцы выстроили часовню на городском кладбище, восстановили церковь в соседнем селе Воскресенское и серьезно подумывают о собственном храме...

Каждому – свое

Еще одну перемену вполне можно назвать «перераспределением полномочий».

В свое время в кабинете директора ВНИИТФ на стене висел большой план города Снежинска. И вот при Г.Н.Рыкованове он исчез.

– План Снежинска я снял неслучайно, – пояснял Георгий Николаевич в одном из интервью. – Теперь в городе своя власть. Мэр там командует. Взваливать на себя всё городское хозяйство немисливо в нынешней ситуации. Во времена Челябинска-70 помимо директоров всегда были научные руководители, главные конструкторы. Поэтому директора больше занимались городскими делами. Сейчас тоже остались хозяйственные вопросы, но научная работа, теоретические исследования – на первом плане.

Каждому – своя зона ответственности. В начале 1990-х годов Снежинск, как и повсюду в стране,

простился со структурами КПСС, в 1993 году – с Советом народных депутатов. В 1996 году у города появился первый избранный глава – им стал Анатолий Владимирович Опланчук.

Искушение оффшором

Жизнь моногорода в эпоху реформ и переменчивого законодательства – процесс весьма драматичный. Может быть, поэтому в отношении руководителей многих закрытых городов возбуждались то уголовные, то административные дела.

Самым противоречивым оказалось разрешение создавать на территориях ЗАТО зоны льготного налогообложения – так называемые оффшоры. Зарегистрированные здесь предприятия, с одной стороны, снижали свою налоговую нагрузку, с другой – обеспечивали городской бюджет. На тот момент это было единственной возможностью удержать городское хозяйство «на плаву».

Снежинцам удалось существенно обновить городскую инфраструктуру, ввести современную телефонную станцию, выстроить большой роддом, возвести физкультурно-спортивный комплекс и крытый рынок. Правда, когда «тучные годы» кончились, строительство ряда объектов – того же перинатального центра – оказалось в подвешенном состоянии. Достраивали с трудом уже после всех кризисов.

Больше предприятий, хороших и разных

Но самым сложным для города процессом стало, пожалуй, преодоление монопрофильного характера экономики. Институт – «не резиновый», всех обеспечить работой не сможет. К тому же в 1990-х годах многие его специалисты оказались «в бессрочном отпуске». Часть из них ушли в малый бизнес, причем, отчасти сохранили свою квалификацию и сферы деятельности – например, занялись сложной металлообработкой, системами штрихового кодирования и физической

безопасности, энергосберегающим оборудованием, 3D-прототипированием и моделированием, голографией, новыми материалами...

Вскоре в Снежинске возникли совершенно новые предприятия, никак не связанные с тайнами ядра. Самым успешным стал завод «Керамин», выпускающий облицовочную плитку и известный в стране под торговой маркой «Уральский гранит». Он, кстати, действительно уральский – полевой шпат для плитки привозят из соседнего Вишневогорска. На очереди еще два предприятия: завод по выпуску специализированных электромашин и завод по производству кабеля.

Хотя самые большие ожидания в Снежинске связаны с возможностью строительства Южно-Уральской АЭС – с таким огромным опытом и интеллектом здесь можно было бы развернуться в полную силу...

Под занавес

В Снежинск, как и в любой другой закрытый город, путешественнику трудно попасть. Хотя город немаленький – как-никак 50 тысяч жителей на сегодня.

Летом Снежинск растворен в зелени. Это в Челябинске деревья вплетены в кварталы, а в Снежинске наоборот – кварталы вплетены в деревья. Зелень повсюду. Аккуратно стриженная, она похожа на зеленые шары, словно ты находишься где-нибудь в Пятигорске. Лишь сосны выдают суровую уральскую действительность.

А зимой... Лет двадцать назад в самый канун Нового года меня впервые «завезли» в Снежинск. В новогоднюю ночь шел крупный снег, какой бывает, пожалуй, только в Питере. По снежинкам на входе можно было изучать геометрию, восхищаясь красотой и точностью линий. А первый январский день выдался солнечным. Ближе к обеду мы спустились к Синаре. Удивительное по красоте снежное озеро не просто «бросилось в глаза» – оно прошло по ним ослепительной, сверкающей бритвой. Такого белого снега я больше нигде не

видел. Мне говорили, что здесь и зимой загорать можно – и под солнцем, и в его снежном отражении.

После такого понимаешь, что другого названия для города не придумать...

Кто придумал Снежинск...

О названии города есть несколько историй.

На протяжении почти четырех десятилетий – до 1994 года – город «прятался» за всевозможными цифровыми обозначениями. В самом начале – Касли-2, затем, до середины 1960-х годов – Челябинск-50, а с 1966 – Челябинск-70, «семидесятка».

Рассказывают, что название городу придумал его основатель – Дмитрий Ефимович Васильев, когда на одном из совещаний осенью 1956 года взглянул в окно, за которым, завораживая и пленяя, пролетали крупные хлопья снега.

Еще одна версия связана с именем М.С.Соломенцева, знаменитого секретаря Челябинского обкома партии, курировавшего в то время закрытые города области. Михаил Сергеевич вспоминал в своей книге, что, когда впервые ему удалось приехать в город, он был поражен ослепительной снежной белизной, остановил машину и вышел, любуясь открывшимся видом. После этого и предложил название...

Впрочем, не будем оспаривать первенство. Благо, что город не называли в чью-либо советско-партийную честь, как в то время предлагалось «на полном серьезе».

...снежинку...

В новый век город вошел со своим гербом – снежинки слетаются к атомному ядру...

Символика герба достаточно интересна. В частности, круг, бензольное кольцо, который образуют снежинки, является символом вечности, совершенства и непрерывного развития мироздания. Плетеная пентаграмма, «микрокосмос», в виде пятиугольника – это символ молчания, учения и посвящения. Иными словами – «молчание посвященно-го» в тайны атома.

Красный цвет неизменно означает огонь и энергию и символизирует право, силу, мужество, любовь, храбрость. А серебро в геральдике – символ благородства, чистоты, великодушия.

...и Снежика

А последним и самым симпатичным приобретением в народной символике города, безусловно, стал Снежик – маленький снежный человечек в синей спортивной шапочке с большими глазами и широкой улыбкой.

Его «родителем» является художник, архитектор, мультипликатор и карикатурист Андрей Викторович Чесноков. Кстати, первоначально Снежик – это весьма злая карикатура на мэра города А.В.Опланчука, которая появилась в 1999 году в газете «Окно».

Со временем злость ушла, а Снежик настолько покорила сердца горожан, что ему даже поставили памятник на центральной площади города.

Это правильно – все-таки лучше смотреть и на мир, и в будущее веселыми глазами...

